

ISSN 0131-5994

РОВЕСНИК

№ 7/87
ИЮЛЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

В НОМЕРЕ:

Восемь лет назад, 19 июля 1979 года, народ Никарагуа свергнул диктатуру Сомосы. Но все эти годы республика вынуждена вести кровопролитную борьбу с бандами контрас, за спиной которых — империализм США. Могучая держава пытается задушить маленькую страну, поставить на колени ее свободолюбивый народ — вот этих, запечатленных на снимке жизнерадостных молодых людей, отмечающих очередную победу в битве за независимость и свободу.

ХЕЛЬСИНКИ. Столица Финляндии в этом году отмечает 175-летие своего статуса главного города республики. С 1968 года здесь находится секретариат и информационный центр Всемирного Совета Мира, здесь был подписан Заключительный акт Конференции о европейской безопасности и сотрудничестве. И можно сказать, что в наши дни Хельсинки подают миру пример дружбы и сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами, пример последовательной миролюбивой политики.

На снимке: одна из центральных площадей финской столицы со скульптурой, славящей труд.

ПХЕНЬЯН. Традиционный музыкальный фестиваль «Апрельская весна» в этом году был особенно представительным. В КНДР приехали более ста ансамблей и исполнителей из 70 стран мира. Тепло были встречены музыканты из Советского Союза, включившие в свой репертуар и корейские песни.

ДУШАНБЕ. По инициативе студентки из столицы Таджикистана Муниры Набиевой началась интернациональная антивоенная акция «Пароль»: «Пояс мира». М. Набиева предложила охватить Землю символическим «Поясом мира» по 39-й параллели через города Душанбе, Вашингтон и столицу XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов Пхеньян. Уже была проведена часовая селекторная пресс-конференция для журналистов социалистических стран, США, Японии, Италии, своеобразный радиомост Душанбе — «Пояс мира». Об инициативе таджикской студентки узнали во многих странах, пересекаемых 39-й параллелью, своего апогея акция «Пароль»: «Пояс мира» достигнет в канун XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1989 году в Пхеньяне.

ПРАГА. Областной комитет Социалистического союза молодежи Чехословакии (ССМ) в городе Оломоуце организовал методические дни — «Как стать спортсменом». Активисты первичных организаций ССМ, молодые люди, которые хотят организовать в своем коллективе занятия физкультурой или в одиночку приобщаться к любимому виду спорта, получат от опытных тренеров рекомендации и литературу, работники обкома ССМ подскажут, как всем вместе на пустыре расчистить футбольное поле, в неиспользуемом помещении оборудовать хотя бы небольшой спортивный зал.

САН-САЛЬВАДОР. Перед вами номера журнала «Эль Сальвадор». Их прислал сальвадорский поэт Эриберто Монтано, о котором «Ровесник» рассказывал в № 9 за 1982 год. Эриберто участвует в борьбе за свободу родины, вместе с товарищами выпускает «Эль Сальвадор». Сколько нужно мужества и энергии, чтобы собрать материал в районах боевых действий, в лагерях повстанцев, в городах и поселках, находящихся под контролем озверевшей военщины, и доставить эти материалы в Мексику, где издается журнал. Расскажем только об одной публикации «Эль Сальвадора». Антинародный режим задумал операцию «Феникс» для того, чтобы покончить с патриотами, борющимися за свободу родины. Для этого районы предполагаемой дислокации отрядов Фронта национального освобождения и мирные деревни подвергли артобстрелу и массированным бомбардировкам с воздуха, после чего туда забрасывались с вертолетов натасканные американскими советниками отряды «командос». Эти варварские бомбардировки не были продиктованы боевой обстановкой, не было это и результатом ошибки. Это было планомерное осуществление одной из задач операции «Феникс» — огнем и прикладом очистить территории, находящиеся под контролем патриотов, не только от отрядов ФНО, но и от мирных жителей, с тем чтобы в дальнейшем вновь заселить эти районы людьми, «лояльными» режиму. После кровавых набегов правительственные вояки оставляли на заборах и стенах домов свой «фирменный» знак — изображение символа смерти — черепа в лихо нахлобученном берете. «Как бы этот символ не стал пророческим для тех, кто лихо заламывает зеленый берет на американский манер. Посеявший смерть не пожнет жизни»,— заканчивает рассказ об операции «Феникс» журнал «Эль Сальвадор».

МАГДЕБУРГ. На южной окраине этого города в ГДР недавно возник необычный детский городок (снимок в центре). Он был спланирован и возведен с участием художников, архитекторов, дизайнеров, садовников, строителей и педагогов. Тут есть все для игры, и притом для игры, развивающей вооб-

ражение и смекалку: замысловатые лазилки, хитрые лабиринты, трамплины и палатки, в которых прячутся чудеса. Каждый желающий может попробовать оседлать огромного деревянного дракона или покачаться на фигурных качелях. А зимой это детское царство превращается в каток, украшенный гирляндами цветных фонариков.

ПАРИЖ. Французский еженедельник «Юманите-диманш» приводит такие цифры: 900 тысяч французов в возрасте от 16 до 24 лет не имеют работы более года. Чем дольше срок вынужденного безделья, тем меньше надежды когда-нибудь найти место. Так молодые люди оказываются во все большей и большей изоляции от общества, семьи, друзей. 9 процентов из них ищут выход в самоубийстве, 15 процентов мечтают насилием добиться перемен в своей судьбе, 13 процентов находят «утешение» в наркотиках. Эти отверженные составляют 31 процент всех безработных Франции. «Что же делает правительство для этих 900 тысяч своих граждан?» — спрашивает «Юманите-диманш». Правительство планирует создать в течение этого года 50 тысяч рабочих мест для молодых. А что будет с 850 тысячами, которым не остается надежды?

ЛОНДОН. Правительство консерваторов Британии обвиняется в нарушении прав человека более 3 миллионов своих граждан. По Даунинг-стрит в Лондоне, где находится правительство, прошла демонстрация представителей профсоюзных центров безработных с лозунгами «Право на труд и право на жилище — основные права человека!». Поводом к обвинению правительства послужила публикация официальных данных, которые утверждали, что число не имеющих постоянной работы якобы постепенно снижается. Профессор Питер Таунсенд из Бристольского университета, который провел собственное расследование, заявил, что официальные цифры — миф, вводящий в заблуждение общественность.

ЙОГАННЕСБУРГ. «Организуемся в борьбе!» — этот лозунг Южно-Африканского профсоюза дорожных и портовых рабочих получил свое подтверждение в недавней стачке. Забастовка водителей транспортной службы одного из предприятий Йоганнесбурга началась с требования восстановить на работе несправедливо уволенного товарища. Вскоре стачка распространилась по всему Трансваалю, в ней участвовали 18 тысяч человек. В знак солидарности с наземными транспортниками прекратили работу 500 служащих аэропорта, к ним присоединились работники почт... За время стачки значительно выросли ряды профсоюза, вырос его авторитет, и это несмотря на жестокие репрессии, которые правительство обрушило на забастовщиков.

Джавахарлал Неру: С Россией голоса человечества

Прежде чем решиться на публикацию книги о России, мне пришлось преодолеть значительные сомнения. Я вижу, возможно, даже лучше, чем рядовой читатель, недостатки написанного, насколько это разрозненно и схематично. Признаюсь, некоторые части писались в железнодорожных поездах, и все — в перерывах между другими делами, поглощавшими бо́льшую часть моего времени. Я хорошо понимаю также, чтобы писать о сложной и постоянно меняющейся жизни в Советской России, автор должен обладать глубокими знаниями предмета и некоторым мужеством. Я на такие знания не претендую, и, хотя, возможно, у меня есть обыкновение кидаться туда, где более осмотрительные побоятся сделать и шаг, я не намерен ни выводить формул, ни возводить в догму что бы то ни было из происходящего в этой стране. Но я обнаружил, что изучение советской действительности — увлекательнейшее занятие, и по тем сведениям, которые я имею, ясно, что и многие другие испытывают голод в такой информации.

Президент США Вудро Вильсон [1] в своем обращении к конгрессу 17 декабря 1917 года сказал: «До нас с вами доносятся голоса человечества, они у нашего порога. С каждым днем они становятся все слышнее, все членораздельнее, все понятнее, они исходят из сердец людей повсюду». Тот, кто изучает нынешнюю Россию, слышит, как эти голоса — крик единодушия масс — становятся громче и настойчивее, и ему кажется, что они звучат из каждой страны. Мир, измотанный войной, услышал эти голоса в 1917 году. Президент Вильсон тоже услышал их.

Далее он сказал: «Отношение, которое проявят в последующие месяцы братские нации к России, явится прекрасной проверкой их доброй воли и понимания ее нужд безотносительно к собственным выгодам и их разумной и бескорыстной симпатии».

То были щедрые слова. Но даже их автор и его страна не смогли оправдать их (имеется в виду участие США в интервенции, их поддержка контрреволюции в России.— Ред.). История продемонстрировала нам результат сей «прекрасной проверки» и того, как «братские нации» вместо проявлений симпатии и доброй воли без устали выискивали, как навредить и уничтожить новую Россию. Но Россия выжила, потому что с ней «голоса человечества».

С тех пор как я вернулся из Европы, меня часто спрашивают о России. Причем, хотя я с очень коротким визитом побывал в Москве, ко мне обращаются чуть ли не как к эксперту по России и задают самые необыкновенные вопросы, часто к моему великому смущению. Когда меня просят выступить — особенно на встречах со студентами,— темой разговора становится Россия. И несмотря на ограниченность моих знаний, я всегда с удовольствием отвечаю, потому что одобряю такую любознательность и такой интерес к стране, у которой с нами много точек соприкосновения, к стране, начавшей величайший эксперимент в истории человечества. За ней наблюдает весь мир, некоторые со страхом и ненавистью, другие со страстной надеждой и желанием последовать по ее пути.

К России трудно испытывать безразличие, еще труднее с беспристрастием судить о ее достижениях и ее неудачах. Она подобна проводу высокого напряжения, до которого нельзя прикоснуться, не пережив сильнейших последствий, и те, кто пишет о ней, редко способны избежать превосходных степеней похвалы или осуждения. Многое тут зависит от угла зрения и миропонимания наблюдателя, многое — от его

Из книги Д. Неру «Советская Россия», 1929 год. Публикуется по изданию Бомбей, 1949 год.

Джавахарлал Неру (1889—1964) — выдающийся политический деятель, премьер-министр и министр иностранных дел Республики Индии с 1947 года, активный борец за свободу своей родины, против английского колониализма, провел в тюрьмах свыше 10 лет. Сподвижник Махатмы Ганди, один из лидеров партии Индийский национальный конгресс (ИНК).

[1] *Вильсон Томас Вудро — президент США (1912—1921).— Здесь и далее прим. ред.*

предрассудков и предубеждений, с которыми он подходит к вопросу. Но какое бы мнение ни возобладало, никто не станет отрицать притягательность этой удивительной евроазиатской страны, родины серпа и молота, где рабочие и крестьяне восседают на тронах власти и расстраивают любые прекрасно спланированные тайные замыслы своих недругов.

Для нас в Индии эта притягательность имеет бо́льшую силу, чем для кого бы то ни было, наш интерес к себе самим требует от нас понимания огромных сил, разрушивших старый уклад жизни и приведших к рождению нового мира, в котором в корне изменились прежние ценности, прежние нормы уступили место новым.

Индийцы — консервативные люди, мы не очень любим перемены, всегда пытаемся забыть про свою нынешнюю нищету, деградацию в смутных мечтаниях о былой нашей славной и бессмертной цивилизации. Но прошлое умерло и ушло, а наша бессмертная цивилизация не слишком помогает нам в разрешении сегодняшних проблем. Если мы хотим найти решение этим проблемам, мы должны выйти на новые магистрали мысли и искать новые формы действий. Мир меняется, и то, что было правдой прежде, еще вчера, может оказаться неприемлемым сегодня. Мы должны следовать линии жизни с ее постоянно меняющимися изгибами, и попытка упрямо придерживаться исчерпавшей себя идеи может привести к отрыву от линии жизни и в дальнейшем к катастрофе.

Россия интересна нам тем, что ее опыт может помочь нам найти определенное решение великих проблем, которые стоят перед миром сегодня. Особенно она интересна нам потому, что во многом, даже теперь, Россия и Индия похожи. Обе огромные сельскохозяйственные страны, индустриализация которых лишь началась. Обе стоят перед проблемами нищеты и неграмотности. Если России удастся в полной мере разрешить эти проблемы, наша деятельность в Индии будет облегчена.

Мы также не можем игнорировать Россию, потому что она наш сосед, который может быть дружественным нам и с нами сотрудничать или может стать источником постоянных неудобств. В любом случае мы должны ее понимать, знать и соответственно формировать нашу политику.

Нас не перестают пугать призраком войны с Россией. В дни царской России нам говорилось, что русский империализм стремится завладеть выходом к океану. Теперь, когда царя нет, нас предостерегают от коварных попыток коммунистов подорвать спокойный и ладно организованный мир. Давнее политическое соперничество между Англией и Россией, мол, продолжается независимо от того, кто оказывается у власти в Уайтхолле, или в Петрограде, или в Москве. До каких пор Индии перенимать это соперничество, страдать от него? Ходят слухи и есть опасения, что война будет, и для нас это вопрос первостепенной важности.

Конечно, Индия должна лучше знать Россию. Но пока что информация о ней в основном исходит из зависимых от субсидий информационных агентств, враждебных России. Они распространяют о ней самые фантастические истории. Чаще всего мне задают вопрос о пресловутой национализации женщин! Самые плодовитые поставщики новостей о России — корреспонденты британских и других газет в Риге [2]. Один журналист недавно описал в нью-йоркском журнале «Нейшн», как создаются такие корреспонденты: «В Лондоне мне впервые довелось выступить в роли корреспондента в Риге. В рижского корреспондента меня превратил редактор, вручив мне вырезку передовой статьи из утренней газеты. Он проинструктировал, как перекроить этот кусок в корреспондентское сообщение, якобы только что поступившее из Риги. Помню, передовая статья разбирала пагубные действия III Интернационала. Должно быть, я переписал ее довольно удачно, так как впоследствии мне стали доверять другие задания такого же деликатного свойства. Так, постепенно я превратился в корреспондента в Риге: «от нашего собственного корреспондента», как любят выражаться на Флит-стрит (улице в Лондоне, где расположены редакции буржуазных газет.— Ред.). Год спустя, работая в другой газете, я жил в Париже. И снова мне пришлось быть корреспондентом в Риге. Теперь я работал в две скрипки, то есть переписывал и французские, и английские газеты. Все они, включая ту, где я работал раньше, могли гордиться своими корреспондентами в Риге, все их сообщения были полны разоблачений: жестокости большевиков, казни ЧК, экономические трудности Советов, недовольство русских Советским правительством. Как и в Лондоне, весь материал попадал ко мне, и из этой массы рождался новый составной корреспондент в Риге. Теперь всякий раз, когда я думаю о Риге, я представляю не город, а газетный офис — старые столы, корзины для бумаг, стулья, пишущие машинки и измаранную бумагу. Если бы городам давали награды за участие в службе «информации», западному миру следовало бы оказать высшие почести Риге».

Движущие силы, высвобожденные революцией, не исчерпали себя. Они сотворили новую историю и будут творить эту историю дальше, игнорировать их не может никто. Мы в Индии еще в большей степени, чем другие, не можем оставаться к ним безразличными. Потому что, как я уже говорил, Россия наш сосед, гигант, занимающий пол-Европы и пол-Азии, а между такими соседями, как мы, может быть или дружба, или вражда.

Мы выросли с привычкой, заботливо воспитанной в нас Англией, относиться к России враждебно. Многие годы перед нами стояло пугало русского вторжения, оправдывавшее наши огромные расходы на вооружение. Теперь, когда в России нет царя, нам говорят, что Индии угрожает Советское правительство.

Россия между тем только недавно пережила период международной интервенции и гражданской войны, голода и блокады. Прежде всего она желает теперь мира, чтобы укрепить свое экономическое положение и на крепкой основе построить новый общественный порядок. Она уже достигла определенных успехов и теперь с большим напряжением, на всех парах трудится над мирным развитием своих огромных территорий. Война, даже успешная война, неминуемо остановит этот процесс единения и развития, и полное установление нового общественного порядка задержится на неопределенное время. Россия не может желать такого, и это мы видим на протяжении последних нескольких лет: несмотря на грубые провокации и оскорбления, она отказывается быть втянутой в вооруженный конфликт. В Китае, как говорят повсеместно, при подстрекательстве Англии и других держав посольство России подверглось нападению [3], ее посол — неслыханным оскорблениям. Ее послов хладнокровно убивают, ее дипломатических представителей сажают за решетку, подвергают унижениям, но России все-таки удается избежать войны, пусть даже такой ценой, когда приходится глотать гнев и обиду. Любому, кто интересуется современной историей, ясно, что Россия не хочет войны.

Нормальные отношения для России и Индии — только отношения добрососедства с наименьшим числом точек трения. Постоянные трения, которые мы наблюдаем сегодня, происходят между Англией и Россией, но не между Индией и Россией. Есть ли какая-нибудь причина, из-за которой мы в Индии должны перенимать вековую борьбу Англии против России? Она подстегивается жадностью и скупостью британского империализма, а в наших интересах, конечно, покончить с британским империализмом, а не поддерживать и укреплять его.

Перевел с английского В. СИМОНОВ

---

[2] *После падения Советской власти в Латвии под ударами интервентов и латвийских белогвардейцев в 1920 году там была установлена буржуазная диктатура, и до 1940 года Латвия не входила в состав Советского Союза.*

[3] *В 1928—1937 годы в Китае утвердилась реакционная власть гоминьдана, и одновременно продолжалась революционная борьба под лозунгами Советов.*

МОДНАЯ ПРОФЕССИЯ

Д. ПРОШУНИНА,
наш спец. корр.

— Нечтины — королевский город,— сказал Бронек.— Чешские короли дело знали: где красоту какую или богатство заметят, сразу грамоту — королевский город. А красота здесь, сами видите, какая. Лес, холмы, замок. Хоть в кино снимай. Да и снимают.

В замке мы и сидели. На соревнованиях. На четырех столах шла встреча по настольному теннису. Мы болеем за чабанов: Бронек с отделения чабанов. Замок, бывший графский дворец, принадлежит среднему профессиональному сельскохозяйственному училищу. Готовят здесь дояров и доярок, скотников, пастухов и чабанов. В Чехословакии таких два. Учебные помещения стоят на въезде в город, центр — это замок, а в нем общежитие, столовая, спортзал, клуб и комнаты для кружков. Теперь графский дворец называется Дом молодежи.

— А сейчас пойдем в овчарню,— предложил Бронек. Роман и я согласились, и Роман сказал:

— Это очень хорошая овчарня, хотя ей уже лет триста, а может, и больше.

— Нет, точно триста,— заметил Бронек.— Я читал.

— Посмотрите, как она стоит. На самом высоком месте. Овцы холода не боятся, а вот если сырость — могут пойти эпидемии. Им в низине нельзя. Вы чувствуете, здесь тепло, и воздух свежий, овцы сами греют, своим телом, а стены кирпичные тепло не выпускают. А еще посмотрите, окна со всех четырех сторон. Их открывают — откуда теплый ветер.

— Уже в конце февраля бывает такой ветер, весной пахнет. Все овцы головой в его сторону поворачиваются, весне радуются.— Это к нам подошел Петр Тума, тоже с отделения чабанов.

— А почему они сбились в кучу и к дальней стене ушли? — спросила я.

— Это они вас боятся.

— Меня? А вас не боятся?

— Вы же чужая, а к нам они привыкли.

Роман, Петр и Бронек прочли мне такую оду уму и понятливости овец, которых я всегда почему-то считала глупыми и бестолковыми, что мне захотелось попросить прощения у ближайшего круторогого барана.

— К этому не подходите, он и боднуть может,— удержал меня Петр.

— Человек думает, если у него дома аквариум, то он всякую животину любит и может быть готовым чабаном,— сказал Роман.— А чабан — это немного и зоотехник, и метеоролог, и ветеринар. Он уметь должен все. Потому что на пастбище он один. И телефона рядом нет, кого на подмогу вызвать.

— Ну почему же один? — не согласился Бронек.— По меньшей мере рядом с ним пес и овцы.

— Знаете, что такое чабанский пес? Вот я вам сейчас расскажу,— начал Петр.— Был тут у нас перед вами журналист...

— Наша профессия в моду входит,— съехидничал Бронек,— от экскурсий отбоя нет.

— Зря ты так,— Роман подумал, вдруг я обижусь.— Республика решила развивать овцеводство. Этот кавказский меринос, мы их в СССР купили, дает 10 килограммов шерсти, это 1000 крон, да еще 500 крон стоит ягненок. Сейчас Чехословакия только 10—15 процентов потребности в шерсти получает внутри республики, остальное закупаем за рубежом, это не мода, а государственное дело.

— Дай мне про Шарика рассказать, государственный ты человек. Так этот журналист говорит: «Как бы вас среди овец сфотографировать?» Овцы паслись метрах в ста повыше на холме, корреспондент весь аппаратурой обвешан, ему вверх лезть, конечно, не хочется. Наш чабан — мы у него практику проходили, спокойно так говорит: «Шарик, спусти овец ко мне». А сам с журналистом разговаривает. Минуты не прошло, овцы нас окружили со всех сторон. Сфотографировались. Любомир, чабан наш, говорит: «Шарик, верни их на место». Корреспондент тогда стал Шарика за работой снимать, даже про нас забыл.

— Дрессировка собаки входит в учебную программу?

Роман, видимо, во всем любит точность и порядок, он тут же меня поправил:

— Во-первых, не дрессировка, а воспитание, нам же не в цирке выступать. А в училище, к сожалению, у нас только теоретический курс собаководства. Дома у нас у многих есть собаки, а здесь мы только по книжкам...

— А я думаю, нельзя научить всех сразу, как воспитать чабанскую собаку. Это дело личное. Каждый чабан собаку по себе воспитывает, по своему характеру. Есть у него терпение, будет хороший пес. Нельзя кричать без смысла или бить собаку.

Мы все согласились, а Бронек добавил:

— Чабан не может ударить собаку, потому что он живет среди природы, ему не от чего быть злым. За это я, напри-

мер, овец люблю. Они те редкие существа, которые приносят только радость.

— Если ты о них правильно заботишься,— уточнил Роман.

Бронек из Градец-Кралове, он человек городской и до 15 лет овец видел только по телевизору. В школе учился кое-как, лишь бы мать не вызывали. «Откровенно говоря,— замечает он,— в школе мне было скучно. Ну зачем рисовать крестоцветных в тетради, что я буду ходить по полю и сверять каждый цветок с рисунком?» В училище он среди лучших. По субботам и воскресеньям, когда все ребята разъезжаются по домам, они с Романом остаются в Нечтинах.

— Овцы не понимают, что у нас выходные,— говорит Роман.— Им каждый день пить и есть хочется. Чабану сразу привыкать надо, что у него отпуск и выходной не так, как у всех.

— Зато над ним и начальников нет,— добавляет Бронек.— Ушел со стадом в горы — и выше него только небо.

— Поэтому вы и пошли в чабаны?

— Ну нет. Я по характеру люблю быть один. Мне одному не скучно. Это в городе скучно. Ходишь по одной и той же улице, делаешь изо дня в день одну и ту же работу. А в горы со стадом уйдешь: на каждом пастбище все разное. Птицы поют, тишина. Если пес хороший, можно немного полежать, посмотреть, как облака меняются. И главное — подумать есть время. Я бы, например, всех писателей отправил в горы со стадом. По-моему, в городской толкотне нельзя написать сто́ящую книгу.

— Писатели без твоих советов обойдутся,— Роман явно не терпит оторванные от реальности разговоры. У него свои доводы.

— Чабан хорошо зарабатывает. В стаде по договору с хозяйством он может иметь и своих овец. Осенью он их продаст или в хозяйство же, или на ярмарке. Это хорошие деньги. За два-три года можно машину купить, аппаратуру...

— Будешь овец на видео снимать.— Это, конечно, Бронек.— По-твоему, получается,— говорит он,— что чабан только деньги гребет...

— Совсем нет. Я тоже считаю, что чабан хорошая профессия. Весь год работа разная, не надоест. В мае уходишь на пастбища. После зимы — ждешь не дождешься. И люди, и овцы, и собаки — все хотят скорей на волю. В июне овец припускаем. И до начала ноября ходим по пастбищам. В ноябре стадо возвращается в овчарню, и начинается стрижка. Это наша чабанская жатва. После стрижки овцы переходят на зимнее кормление. А там начинается окот. Чабан должен знать, когда какая собирается родить, он ходит к ней и ночью. Потом ягнята. Такой работы тоже месяца на три. И чабан всегда должен сам управляться. И сам он отвечает за свое стадо. Мне тоже нравится, что работа самостоятельная.

У меня осталось еще два вопроса: как поступают в училище? И какие перспективы у выпускников?

На первый вопрос отвечает директор училища Милослав Штейфа:

— Каждую весну государственные хозяйства и кооперативы делают заявки: сколько человек они готовы взять на свое обеспечение и послать в училище по нашим специальностям, то есть все четыре года, пока будущий дояр или чабан учится у нас, его учебу и содержание оплачивает тот госхоз или кооператив, который возьмет его на работу после окончания. Эти заявки через органы народного образования приходят в каждую школу. Обычно родители и ребята едут в этот госхоз или кооператив и смотрят уже не на бумаге, в каких условиях будет жить дипломированный скотник или чабан (а наше училище дает диплом о получении среднего специального образования), в каких условиях ему придется работать? Некоторые приезжают и к нам в Нечтины: где сын или дочь будет жить, кто его будет учить, какие есть условия для спорта? Мы всегда все показываем. Вы, наверное, знаете, что Нечтины всего в 11 километрах от города Пльзеня, туда ходит автобус. Но мы не любим, когда ребята сами ездят в Пльзень, и стараемся, чтобы у них и здесь все было — никуда не надо было ездить. У нас 12 кружков, зимний спортзал (вы в нем были), небольшой стадион, дискотека — один раз в неделю, даже конноспортивная секция. У нас есть три лошади. Хотим купить еще. И знаете, если человек увлекся лошадьми, его уже никуда не потянет. Он все свободное время с ними. Кстати, и времени свободного у наших учащихся почти нет. Они начинают за скотиной ухаживать по своему профилю со второго года обучения.

Итак, проблем с набором у нас нет. Сколько поступило заявок от госхозов и кооперативов, столько у нас и мест. В последнее время тяга в наше училище выросла. Отбор абитуриентов делают госхозы и кооперативы. В ком они более уверены, тех и направляют учиться. Предпочтение отдают детям своих работников, это и естественно. Закончив училище, ребята вернутся домой и будут работать вместе с отцом или матерью.

Предвижу ваш вопрос. Получив диплом, девушка, например, вышла замуж и едет работать вместе с мужем в другое хозяйство. Если она там как специалист нужна, предприятие выплачивает стоимость ее обучения тому хозяйству, на средства которого она училась. Другой пример. Наш учащийся решил остаться работать там, где проходил практику. Нет проблем. Место его практики выплачивает его содержание пославшему его учиться хозяйству.

— А если ваш выпускник вообще решил поменять профессию и остаться в городе?

— Такого в моей практике не было. Но по закону он из своего кармана в течение трех лет должен выплатить затраченные на него деньги.

— А чем вы объясняете возросший интерес к работе в сельском хозяйстве?

— Могу высказать только свое мнение, потому что специальные исследования мне не попадались. Немаловажный факт: в 18 лет наш выпускник полностью самостоятельный человек: ему доверяют стадо (овец обычно 600, а чабанов 3) и хорошо платят. У него чаще всего есть свое жилье, а через два-три года с помощью госхоза или кооператива он строит собственный дом. Кроме того, условия работы: свежий воздух, свежайшие продукты, более широкая, чем в городе, независимость. Не исключаю и такой поворот. В пятнадцать лет не всегда можно определенно сказать, кем я хочу быть. Проработав лет пять-семь чабаном или скотником, молодой человек в 25 лет (с учетом службы в армии), уже хорошо поняв свои склонности, может и поменять профессию. Снова повторю, очень неплохо материально себя обеспечив.

Какие же планы на будущее у моих знакомых Бронека, Романа, Петра и их сокурсников, выпускников 1987 года.

Бронек: Меня сюда направил госхоз из соседнего района, километров 60 отсюда. Там буду пасти стадо в Орлицких горах. Овцы там другие, местной породы. Как теперь я понимаю, их надо улучшать. Для чабана там работа нормальная. Но я бы лучше здесь в госхозе остался. Когда на практике был, чабан сказал, что взял бы меня, человек им нужен.

— А мама останется в Градец-Кралове?

— Она приезжала сюда. «Воздух,— говорит,— здесь прекрасный». Может, когда на пенсию уйдет, тоже сюда приедет. Не знаю.

Роман: Я из госхоза в Аше. Там у меня дед чабан, а бабушка ему помогает. Наш госхоз тоже купил кавказских мериносов, так что для меня стадо уже есть.

Петр: Мы с ребятами еще курсы стригалей кончили. Я, наверное, буду стригалем. Потому что хочу еще два года поучиться и работать зоотехником. Многие предметы я уже в училище сдам, чешский, математику, русский, химию, а там мне только по специальности. Мне нравится племенное дело.

Пршемек, Либор, Ирка тоже знали, с каким стадом им работать, в каком хозяйстве их, дипломированных чабанов, ждут.

СМОТРИТЕ

Никарагуа. Сегодня к героической борьбе народа этой центральноамериканской республики за свое право на жизнь приковано внимание всего мира. Приезжающие сюда журналисты и фотокорреспонденты констатируют: никарагуанцы, завоевав свободу, строят новую жизнь, несмотря на происки контрас и их покровителей в Вашингтоне. О некоторых штрихах этой жизни рассказывается в статье уругвайского писателя «Мой выбор — защита Никарагуа» и в очерке корреспондента «Ровесника» — «...Чтобы помочь революции», с которыми читатель познакомится на следующих страницах. Другие — увидит на этом фоторазвороте: детей, идущих в школу, крестьян, работающих на плантациях и отдыхающих в час полуденного зноя, солдат и бойцов народной милиции, ни на минуту не выпускающих из рук оружия. Но даже дети знают, что «человек с ружьем» защищает их.

МОЙ ВЫБОР — ЗАЩИТА НИКАРАГУА

Эдуардо ГАЛЕАНО,
уругвайский писатель

Безжалостные тиски блокады и агрессии все сильней сжимаются вокруг Никарагуа не потому, что в этой стране нет демократии, а для того, чтобы ее там не было. Республику душат не потому, что в ней свирепствует диктатура, а для того, чтобы это латиноамериканское государство вновь вернулось к временам диктатуры. Ее травят не потому, что Никарагуа — марионеточная страна и служит жалкой пешкой в руках великих держав, а для того, чтобы она опять стала таковой. Республику хотят уничтожить не потому, что она распространяет оружие в соседних странах, а для того, чтобы она не могла распространять свой пример: свой опасный, свой заразительный пример национальной независимости и всенародного участия в управлении государством.

Для уничтожения Никарагуа необходимо сначала подорвать ее престиж и изолировать на международной арене. Враги революции вынуждают ее защищаться, а потом ставят ей это в вину. Они хотят, чтобы Никарагуа была лишь казармой: огромной казармой, заполненной голодными людьми.

Один из главарей контрреволюции называет Никарагуа страной, где ничего нет, и он прав. Революция богата достоинством, созидательным энтузиазмом и всем тем, что контрас не купят за свои миллионы, но ей не хватает машин и запасных частей, медикаментов и одежды, а также растительного масла, риса, фасоли и кукурузы. Не прекращаются экономические трудности.

Последствия войны видны за обеденным столом и в любом уголке каждого дома. В ожидании раздачи продуктов по карточкам с самого раннего утра выстраиваются очереди. Необходим чуть ли не мешок денег, чтобы приобрести всего лишь малую толику товаров на черном рынке. Два дня в неделю в Манагуа прекращается подача воды. И это в одном из самых жарких городов мира, обреченном из-за своих климатических условий на постоянную жажду. В городских районах, бывает, гаснет свет. Не работают телефоны, которых и без того мало.

Не хватает удобрений, но когда их удается достать, выясняется, что нет самолетов для их распыления. Если же после всяческих ухищрений удается изготовить необходимые запчасти, чтобы самолеты поднялись в воздух, выясняется, что война мешает собрать хлопок с территории, где распылялись эти удобрения.

А это контрас. Именно от них надо защищать детей, крестьян, народ Никарагуа. Против них направлено оружие бойца, снимок которого вы видели на предыдущей странице.

С одной стороны, война, агрессоры, которые взрывают мосты, обстреливают крестьян, поджигают урожай, минируют порты, устраивают засады на дорогах, разрушают школы и больницы. С другой стороны — торговая блокада, организованная Соединенными Штатами, и финансовая осада, проводимая многими правительствами, международными кредитными организациями и крупнейшими банками, которые щедро одаривали деньгами династию Сомосы с тех самых пор, когда американские морские пехотинцы полвека назад усадили ее на трон.

Ко всему сказанному нужно добавить — и это не так уж маловажно — допускаемые ошибки. Они неизбежны, поскольку их совершает страна, сбросившая колониальные путы, она поднялась на ноги и, спотыкаясь, пошла вперед, не надеясь на костыли империалистической поддержки.

Хорошо известно, что понятие «отсталость» включает в себя традиционное отсутствие эффективности и такое наследие, как невежество, фаталистическое признание собственного бессилия, неизбежности предначертанного судьбой. Очень трудно вырваться из этой ловушки, но возможно. И сегодня день за днем на обширных и беспокойных задворках капиталистического мира появляются страны, вставшие на героический путь освобождения вопреки воле своих хозяев. Я повторю — в этом нет ничего невозможного, но трудности такого пути неизмеримы.

Не перестают поступать тревожные сигналы, возвещающие о неминуемом военном вмешательстве Соединенных Штатов. Но речь идет уже не о бдительности в предвидении возможного вторжения: Никарагуа уже сейчас ежедневно подвергается агрессии и ежедневно платит страшную цену, опаленную огнем и омытую кровью. Наглое вмешательство во внутренние дела Никарагуа со стороны США бросается в глаза непредвзятому человеку.

С тех пор, как стало более или менее ясно, что сандинистская революция преследует серьезные цели и собирается порвать смирительную рубашку неоколониализма, империализм решил уничтожить ее. Если же ликвидировать революцию не представится возможным, поскольку тогда придется уничтожить большинство населения, то в таком случае империализм будет стремиться по крайней мере изменить сущность этой революции. Ведь изменение сущности никарагуанской революции в конечном счете будет равносильно ее уничтожению. Империализм ставит

перед собой цель исказить сущность никарагуанской революции до неузнаваемости. Если, мол, эта революция выживет, то пусть она останется калекой, пусть будет искалечена ее сущность. Непрекращающаяся агрессия вынуждает к обороне, а оборона в такой войне не на жизнь, а на смерть, в войне за то, чтобы иметь родину или не иметь ничего, влечет за собой постепенную милитаризацию общества в целом. Концентрация ресурсов на внутреннюю безопасность и национальную оборону, которые поглощают 40 процентов бюджета и половину продукции, производимой в стране, парализует грандиозные проекты преобразований, которые революция стремится осуществить в области здравоохранения, образования, энергетики и связи.

Никарагуанский народ вслух возмущается тем, что в стране не хватает некоторых товаров, но в то же время никарагуанцы отчетливо знают, что у них есть: у них есть права и надежда на будущее. Они появились впервые за всю историю страны, и за них никарагуанцы подставляют свою грудь под пули. Они сражаются потому, что имеют законное право на оборону, а не по призванию, не из-за денег, не из желания присвоить чужую территорию или из стремления к власти.

«Нас заставляют умирать и убивать»,— сказал Томас Борхе, один из основателей Сандинистского фронта национального освобождения. Вооруженное отражение агрессии стало трагическим проявлением чувства собственного достоинства народа, который извне заставляют прибегать к насилию. И если верно, что закон войны обязывает соблюдать строгую субординацию, и в окопах вместо объяснений в ход идут приказы, то так же верно и то, что вооружение всего народа является доказательством демократии. Тот факт, что имеется 300 тысяч никарагуанцев, военнослужащих и милиционеров, которые взяли в руки оружие (кто за скромное жалованье, а большинство — просто так), свидетельствует о том, что эта странная сандинистская «тирания» не боится вооружать народ, который, по заявлениям врага, мечтает о том, чтобы свергнуть ее.

Тысячу раз на Западе говорили, что вина за вооруженную борьбу в Центральной Америке лежит на Никарагуа. Тем не менее до сих пор не было представлено ни одного серьезного доказательства того, что Никарагуа поставляет оружие повстанцам Сальвадора или Гватемалы. Разве может незаметно посылать в другие страны оружие или своих солдат страна, на которую нападают с суши, с воздуха и с моря, за которой следят со спутников, с самолетов и с кораблей, используя самую сложную аппаратуру, позволяющую сфотографировать комара на горизонте?

У Никарагуа все стараются принять экзамен по демократии. Например, Белому дому не внушают доверия выборы, в результате которых большинством голосов были избраны нынешние руководители республики. Может быть, он тешит себя надеждой, что эта страна вернется к временам «свободных» выборов, подобных тем, какие организовал бригадный генерал вооруженных сил США Франк Маккой? 4 ноября 1928 года американские военные пересмотрели и утвердили списки кандидатов и участников выборов, образовали и председательствовали на всех избирательных участках. Генерал Маккой, назначенный президентом США на пост руководителя Совета по проведению выборов в Никарагуа, лично занимался подсчетом голосов. Любопытно, что на этих выборах одержал победу кандидат, которому США оказывали предпочтение.

За восемь лет сандинистская революция сделала все возможное и невозможное — заложила основы справедливости и суверенитета, необходимые для того, чтобы демократия не превратилась в воздушный замок. Факты говорят: республика покончила с проблемой полиомиелита, сократила количество других заболеваний и повела успешную борьбу с детской смертностью; впервые за свою историю народ обучился грамоте, причем возможность учиться на родном языке получило не только испаноязычное население, но и индейские общины, а также англоязычные граждане страны, общее число которых составило 50 тысяч человек; с момента падения диктатуры Сомосы новое правительство раздало больше земельных наделов, чем все остальные центральноамериканские страны, вместе взятые, и осуществило осторожную и в то же время подлинную аграрную реформу, в рамках которой экспроприировались только необрабатываемые земли, а также латифундии, принадлежавшие правящей династии, свергнутой сандинистской революцией.

Никарагуанский народ был очень беден и продолжает оставаться бедным. Но что-то, причем самое существенное, изменилось. Сегодня этот народ творит и впервые верит в силу своего творчества. Только ростом революционной сознательности и ежедневным утверждением чувства национального достоинства перед лицом врага, который яростно отказывает никарагуанцам в нем, можно объяснить небывало активное обсуждение нового текста конституции. (Конституция Республики Никарагуа вступила в силу с 10 января 1987 года.— Ред.)

Несмотря на разгар боевых действий и значительные организационные трудности, более 100 тысяч никарагуанцев участвовали в обсуждении предварительного проекта конституции, разработанного Сандинистским фронтом национального освобождения (СФНО) и пятью другими политическими партиями. Новая конституция разрабатывалась не тайком от народа. В ходе открытых собраний, проводившихся во всех уголках страны, было внесено 1500 поправок к предварительному проекту.

Следует отметить, что на этих собраниях было широко представлено женское население. Лидерство мужчин еще не изжило себя, но оно не сильно и не вездесуще, а женщины день ото дня понемногу теряют страх высказывать открыто свое собственное мнение. Многочисленные и яростные голоса женщин на открытых собраниях прозвучали против устаревших, изживших себя норм поведения.

В последние годы диктатуры Сомосы некоторые женщины самым законным образом заняли в партизанском движении командные должности. Сейчас в сандинистском правительстве есть женщины, которым доверены самые ответственные посты: их еще мало по сравнению с тем, сколько их могло бы быть по их заслугам и талантам, но в то же время Никарагуа является одной из немногих стран мира, где женщина возглавляет полицию. Дорис Мария Тихерино, женщина, которую в свое время пытали сомосовские полицейские, руководит сейчас Главным управлением полиции. Впервые за всю историю страны подобный пост занимает женщина, и впервые полиция никого не пытает.

Никарагуа ведет войну против колониальных порядков. Президент США, считающий себя вправе посадить Никарагуа на скамью подсудимых, должен был бы для начала попросить у этой страны прощения или по крайней мере помолчать. Именно военнослужащие США, оккупировавшие Никарагуа, сначала взрастили семейство Сомосы в 20-х годах, а потом усадили его на трон, чтобы увековечить колониальный режим. На вице-короля Сомосу, основателя династии, которая в течение стольких лет унижала Никарагуа, сыпались нескончаемым потоком американские награды. А когда Никарагуа отказалась быть лишь карикатурой на государство, ее решили наказать военной силой за такой дерзкий вызов. Вспомним, маленькая армия Аугусто Сесара Сандино выступила против колониальной оккупации Никарагуа, а газета «Вашингтон геральд» и другие американские периодические издания назвали Сандино большевистским агентом и заявили, что он действует по указке Мексики и осуществляет в Центральной Америке экспансионистские планы Советского Союза. В те годы президент Мексики Кальес обложил такими высокими налогами американские нефтяные компании, что манипуляторы общественным мнением тут же окрестили его «агентом Москвы». Некоторые американские органы печати обвинили президента Мексики

Кальеса в том, что он посылает оружие и пропагандистскую литературу в Никарагуа с помощью советских дипломатов, и в 1928 году правительство Соединенных Штатов сделало официальное заявление, что не позволит русским и мексиканским солдатам установить «советскую власть в Никарагуа».

Американские агентства ЮПИ и АП поставили перед собой задачу убедить с помощью своих информационных сообщений весь мир в том, что такие обвинения и опасения имеют под собой реальную почву. Их корреспондентами в Манагуа были два американских гражданина, которых протолкнули на эту должность кредитные банки США с тем, чтобы они контролировали деятельность никарагуанских таможенных органов. Клиффорд Хэм из ЮПИ и Ирвинг Линдберг из АП посвящали половину своего рабочего времени тому, чтобы никарагуанские доходы от взимания таможенных пошлин достались этим банкам, а остальное время занимались стряпней лживых измышлений против «бандита», именуемого Сандино. Таким образом, кампания лжи, развязанная в настоящее время Белым домом против Никарагуа, мало чем отличается от пропагандистских ухищрений тех лет.

С точки зрения манипуляторов общественным мнением, никарагуанцы не заслуживают уважения, потому что Никарагуа входит в состав так называемого «третьего мира». Отсюда следует, что никарагуанцы — люди «третьего сорта». Люди «третьего сорта» обречены копировать настоящих людей, у них нет права голоса, а только право на то, чтобы быть подголосками. Для представителей сверхдержавы, которая ставит вне общества большинство населения земного шара и смотрит на него с презрением, революционный процесс в такой стране, как Никарагуа, может быть объяснен лишь экспансионистскими устремлениями Советского Союза.

Национальное достоинство, социальная справедливость, искалеченная история оккупированной страны и ее замученного жестокой эксплуатацией народа — все это, по их мнению, только предлог, приманка для дураков. Все то, что происходит в Никарагуа, они сводят к геополитике блоков, к одному из ходов Востока против Запада. Поэтому для них контрас — это не наемные вояки, стремящиеся к реставрации колониального режима и бывшей династии, вовсе нет, это — «борцы за свободу, защитники цивилизации западного мира, которая находится под угрозой».

Однако никакие маски не могут скрыть подобное лицемерие. Те, кто отказывает Никарагуа в хлебе и соли, обвиняют ее в том, что она получает помощь от других. Соединенные Штаты были первой страной, к которой Никарагуа обратилась за предоставлением торговых кредитов, экономической помощи и оружия, чтобы защищаться. В ответ США показали Никарагуа кулак. Сейчас, когда Никарагуа лишилась мексиканских и венесуэльских нефтяных кредитов, она получает помощь от стран Восточной Европы. Благодаря этим поставкам она живет. Не могу взять в толк, что же предосудительного в помощи, направленной на развитие национально-освободительного процесса? Почему согласиться на такую помощь — значит стать приспешником Москвы? Во всяком случае, никарагуанцы первые заинтересованы в более широких источниках экономической помощи.

Однако западноевропейские и латиноамериканские правительства все реже проявляют солидарность с этой страной, в то время как растет их безразличие и враждебность. Вместо того чтобы осуждать советскую помощь, они бы лучше поработали над созданием других источников помощи, которые бы расширили свободу действий молодой революционной страны, подвергающейся агрессии.

Никарагуанская революция — это творчество, она не собирается подражать ничьей модели. Подгонять собственную реальность под чью-то модель все равно что надевать на себя смирительную рубашку: стремиться к свободе и в конечном счете связать себя по рукам и ногам. Может быть, Никарагуа не существовала бы сегодня, если бы не Куба с ее благородством, чья солидарность и помощь не укладываются ни в какие статистические данные. Тем не менее, как хорошо сказал Серхио Рамирес (вице-президент Никарагуа.— Ред.), сандинисты не хотят создать другую Кубу, они хотят создать другую Никарагуа.

Для большинства североамериканцев Никарагуа — это страна-агрессор, а не страна, которая подвергается агрессии. Они не воспринимают ее как бедную колонию, которая хочет наконец стать государством, для них она опасная и таинственная держава, которая угрожающе притаилась на границе. Очень мало американцев побывало там и познакомилось с реальным положением дел. А реальность такова: во всей Никарагуа имеется только один небоскреб, пять лифтов и один эскалатор, который не работает уже больше года; население Никарагуа уступает по своей численности жителям нью-йоркского Бруклина; из-за голода и различных заболеваний продолжительность жизни никарагуанца в среднем на 20 лет меньше, чем продолжительность жизни любого американского гражданина.

Никарагуа не возводит стен, чтобы спрятаться за ними, однако ей нужен щит для обороны. Мои слова, которые отнюдь не нейтральны, произнесены для того, чтобы хоть немного помочь этой стране. Сейчас стало модным выражаться туманно и двусмысленно. Становиться на чью-либо сторону считается или вопиющей глупостью, или дурным тоном, но автор этой статьи счастлив, что может сделать свой выбор.

...ЧТОБЫ ПОМОЧЬ РЕВОЛЮЦИИ

Наталья КАБАНОВА

Московская зима к середине января решила сменить гнев на милость, и очень кстати, потому что как раз в это время комсомольский отряд имени Николая Островского отправлялся в Никарагуа на уборку урожая кофе. Совсем недавно еще в Москве было минус 35, и в Никарагуа тоже было 35, но только со знаком плюс. Накануне отлета потеплело, и к серебристому, замершему в напряженном ожидании старта Илу они прошли через летное поле в своей парадной форме — матово-белой, с ярким пятном эмблемы на груди. Пятнадцать человек. Студенты различных вузов страны. Все вместе — отряд имени Николая Островского. Корчагинцы.

К этому дню Виктор Величко как раз успел сдать сессию, он учится в инженерно-строительном институте в Воронеже. Не были еще забыты экзаменационные страсти, а их уже спешили вытеснить другие заботы, другие волнения: попробуйте не волноваться перед дальней дорогой. Перед такой дальней дорогой. Хотя Виктору и не привыкать путешествовать. С первого курса он каждое лето работает в стройотряде своего института. И с первого курса он командир отряда.

А через две недели Виктор уже будет рассказывать о Никарагуа, обстоятельно, подробно, постепенно увлекаясь все больше и больше — не рассказом увлекаясь, а воспоминанием...

Николай Бурмистров, пятикурсник Саратовского института механизации сельского хозяйства, может, не доверяя собственной памяти, может, желая облегчить труд корреспондента, принесет свой путевой дневник — алую, в твердой глянцевой обложке записную книжку, где строчкам очень тесно на листах, и кажется, что не на белой бумаге разбросаны фиолетовые буквы, а на фиолетовом сплошном фоне выделяются частые белые брызги. Николай станет терпеливо комментировать свои записи, пояснять их по ходу дела.

Так будет через две недели. В день отлета об этом не думали, конечно.

Где-то невообразимо далеко, за тридевять земель, их ждала маленькая — не сразу найдешь на географической карте — латиноамериканская страна, имя которой давно уже потеряло свою экзотическую окраску и стало знакомым и привычным. В самолете корча-

Со всего мира едут в Никарагуа бригады молодых интернационалистов. Они едут помочь в сборе урожая кофе — валюты республики, едут в знак своей солидарности и поддержки. Среди интербригад были и советские юноши, одного из которых — Н. Халикова, студента Ферганского политехнического института,— вы видите на снимке.

гинцы познакомились с ребятами из Греции. Греки тоже летели в Никарагуа убирать кофе. А в это время на плантациях северного департамента Матагальпа рядом с местными жителями уже работали французы и мексиканцы, немцы и североамериканцы, добровольцы из Коста-Рики, Новой Зеландии, Гондураса, Аргентины... Представители 19 стран по призыву Всемирной федерации демократической молодежи в знак солидарности с народом Никарагуа объединились в бригаду имени легендарного Аугусто Сандино, чтобы помочь никарагуанцам в сборе урожая. Кофе — главное богатство аграрной Никарагуа. Сегодня такая помощь очень нужна. Точно так же, как и сознание того, что людям в самых разных уголках планеты небезразлична судьба отважной Никарагуа, народ которой посмел предпочесть свободу неволе и подняться за эту свободу с оружием в руках.

«Мы летели работать,— говорит Виктор Величко.— Все знали: работать придется много, в этом был смысл — в те четырнадцать дней студенческих каникул, на которые мы летели в Никарагуа, сделать как можно больше и трудом своим помочь республике. Это не слова. Кофе дает республике валюту. На валюту Никарагуа покупает зарубежные станки, сельскохозяйственную технику, запчасти для американской техники (американцы объявили бойкот и запчасти к ранее купленным у них машинам не продают)».

...Никарагуанская зима встретила буйным цветением тропических деревьев, категорично ярких, вызывающе ярких, их если рисовать, то гуашью, и на их фоне наша акварелью выписанная березка показалась бы экзотическим растением. Лазурь неба отражалась в причудливых цветах, с избытком наделенных краской и лишенных аромата, а красные и желтые цветы в огненности спорили с солнцем. После серо-белой, прозрачной, пастельной Москвы сказкой из «Тысячи и одной ночи» виделась сочно-зеленая, синяя, пурпурная Манагуа. Но никакой сказки не было, а была вполне реальная и настоящая, «живая», Никарагуа — Никарагу-Никарагуита, яркая и свежая, словно рисунок ребенка... Из Манагуа отряд переехал на север страны, туда, где в тридцати километрах от Матагальпы находится передовой госхоз «Ла Эстрелья» — «Звезда»...

С утра пораньше в поселке принимаются голосить петухи. Наверное, нигде на свете день без помощи этих птиц начаться не может. Корчагинцы вставали с петухами: подъем в лагере — в пять ноль-ноль. Столовая, расположенная неподалеку, работала уже вовсю. Там вскоре после подъема выстраивалась длиннейшая очередь из интербригадовцев, туда же за завтраком шли местные жители. Завтрак (как, впрочем, и обед, и ужин) состоял из плоской пресной кукурузной лепешки, горстки вареных бобов и риса, кружки кофе.

Плантации, начинаясь неподалеку от интерлагеря, тянутся вверх по склону горы. Это означает, что относительно ровные площадки, где можно стоять без риска скатиться вниз, свернув себе по дороге шею, чередуются с участками хоть и не отвесными, но и далеко не горизонтальными. Кофейным деревьям все равно — растут, где посадили, их крутизна нисколько не смущает и на урожае не отражается, а вот сборщикам приходится нелегко. Чтобы работать на таком участке, надо бы иметь три руки: две — отделять плоды от веток, и еще одну — за эти ветки уцепиться и не сползти вниз, на соседний ряд, где уже и так трудится товарищ по отряду.

Чтобы загореть под никарагуанским солнцем, требуется минут десять. Чтобы обгореть под ним — пожалуй, еще меньше. На плантациях ребята работали не минуты — часы, так что ощутить на себе мощь тропического солнца довелось каждому. Район Матагальпы — ветреный, поэтому не было ни духоты, ни особой жары, но вот солнце палило, не жалея лучей. Обгорали все незащищенные участки тела: шея, кисти рук, запястья, даже уши. А тропики продолжали напоминать о себе. Среди кофейных деревьев жили змеи. Большинство ребят из отряда до поездки в Никарагуа с этими представителями земной фауны встречались исключительно в зоопарках, и возможность встречи «в естественных условиях» их как-то не радовала. Змеи, правда, этого не знали и иногда (к чести змей будь сказано, не слишком часто) все же покидали свои укрытия, потревоженные неосторожным сборщиком кофе, и появлялись перед ним во всей своей жуткой красе: зеленовато-коричневые, в пестрой вязи хитроумных узоров, тонкие, изящные, зловещие... Одна такая красавица — длинная, в палец толщиной — свалилась с ветки прямо в корзинку к девушке-болгарке; работавший рядом парень подскочил в ту же секунду, схватил змею и выбросил прочь. Спустя полчаса выяснилось, что это была кофейная змея, яд которой смертелен... К счастью, такие случаи были действительно редки; змеи и люди сосуществовали достаточно мирно.

Молодые кофейные деревья низкие, словно кустарник, зато взрослые в высоту могут достигать трех метров. Непросто было бы собирать урожай с верхних веток, если бы не гибкий, слов-

но каучуковый, ствол, который можно согнуть, не причинив ему вреда. А внешне кофейное дерево похоже на вишню. Задача сборщика состоит в том, чтобы сорвать плод, не повредив плодоножку, иначе на этом месте уже никогда не вырастет новая «вишня». Надо быть очень внимательным и не трогать зеленых «ягод», в то же время не оставляя на ветке спелых. И кроме того, нужно подобрать с земли осыпавшиеся плоды. Труд, может, и не особенно тяжелый, но кропотливый и монотонный, а значит, все же утомительный.

Собранный кофе ссыпается в латы — огромные жестяные банки. Норма для интербригадовца, установленная госхозом,— три латы в день. Вообще это много, особенно с непривычки. Зерна кофе некрупные, заполнять ими внушительные латы — все равно что по капельке наливать воду в ведро.

Но ждать, пока наберется опыт, у корчагинцев просто не было времени. В первый же день, выполнив норму, поняли, что все-таки могут сделать больше.

Николай Бурмистров вел что-то вроде ведомости, где отмечалось количество лат, собранных каждым. Напротив фамилий ряды цифр, и цифры эти увеличивались день ото дня. Постепенно стали собирать кофе вдвое, а то и втрое больше первоначальной нормы. Не обошлось без рекордов. Искандер Гарипов собрал девять с половиной лат за смену. Неймат Халиков — одиннадцать с половиной. Эти показатели были лучшими не только среди отряда корчагинцев, но и среди всей интернациональной бригады. Это был очень хороший результат даже для профессионала.

И профессионалы, крестьяне «Эстрельи», приходя вечерами к костру советского отряда, одобрительно кивали головами, и к интересу, светившемуся в их взгляде, добавлялось уважение...

«Эстрелья» — поселок, расположенный в горах. Впрочем, поселком в нашем понимании назвать его трудно. Дома или скорее фанерные хижины, разбросанные хаотично по всей территории госхоза на большом расстоянии друг от друга, теряются на фоне бесконечных кофейных плантаций. Есть каменные здания: школа, детский сад, магазинчик, но центр госхоза, его сердце — завод по первичной переработке кофе. Завод живет своей обособленной, напряженной жизнью, работа там не прекращается с двух часов ночи до позднего вечера, и чтобы обеспечить этот сложный механизм сырьем, на кофейных плантациях весь световой день трудятся никарагуанцы.

Никарагуанцы — какие они? Невысокие, смуглые, черноволосые, такие, какими принято представлять латиноамериканцев, такие, какими видим их на фотографиях и плакатах. И все же другие. Выражение лиц другое. Не плакатно-картинное, исходящее энтузиазмом или гневом, нет. Самые обыкновенные лица самых обыкновенных людей, крестьян, занятых своими будничными бедами и радостями, да и бед-то у них, пожалуй, пока побольше, чем радостей, и работа тяжелее, чем надо бы, а с продовольствием уже вообще откровенно плохо — так получается, что все трудности, которые обступили Никарагуа, до отдаленных поселков доходят гораздо быстрее, чем успехи и достижения революции. А на лицах людей тень не обреченности, но привычки, не печали, но заботы... Нарядные синие палатки корчагинцев, весь их небольшой аккуратный лагерь очень уж контрастировали с крестьянскими хижинами, унылыми и невзрачными, где тонкие стены едва спасают от непогоды, и земляной пол отсыревает в дождь, и огонь, разведенный в очаге, наполняет маленькое помещение теплом и едким дымом, который за неимением трубы выходит прямо в дверь...

Никарагуа — бедная страна. Это та бедность, которая накапливалась год за годом и десятилетие за десятилетием, во все времена, пока страной с хищной жестокостью мелких царьков правили люди из рода Сомосы; это та бедность, которую культивировали и лелеяли бизнесмены с севера, держа страну на положении сырьевого придатка, поставляющего зерна для утреннего кофе в залитые солнцем, снабженные кондиционерами и посудомоечными машинами кухни Нью-Йорка и Сан-Франциско... Это бедность, ставшая традицией и образом жизни. «Нам трудно это представить,— говорит Николай Бурмистров.— Мы видели такое только в кино. Казалось, мы попали в наши двадцатые годы: нищета, война, тяжелый быт. И — упорная вера в глазах крестьян. Они говорили нам, что сейчас, после революции, они живут лучше, чем раньше, раньше было хуже, а мы не могли представить, как же оно было, если и сейчас люди не каждый день едят досыта...» Но особенно отчетливо и резко это сочетание прошлого и будущего, типичное для сегодняшней Никарагуа, было видно в детях.

Конечно, до поездки ребятам не раз приходилось читать о детях Никарагуа, защищающих революцию, работающих наравне со взрослыми. Парадоксальная фраза «дети, лишенные детства», по необходимости так часто повторяемая всеми средствами массовой информации, давно уже не воспринимается как парадокс. А ведь это парадокс! Ну как это: дети, лишенные детства?..

Этот парадокс «удалось» (от слова «удача»???) увидеть в «Эстрелье». Дети прибежали к лагерю корчагинцев в первый же день. И потом приходили постоянно. Да-да, конечно, люди из Советского Союза — это очень интересно. И плакаты, и газеты, развешанные в лагере, тоже интересно. И книги. Но еще люди из Советского Союза щедро раздавали банки с тушенкой, а это было больше чем интересно. Дети тянули руки, брали консервы и тут же снова тянули руки. Каждый, спрятав за спину левую руку, сжимавшую банку, протягивал правую — пустую. Вроде в первый раз. Наверное, такая наивная хитрость была смешной. Смешно не было. Совсем. Дети не были ни жадными, ни плохо воспитанными. Они были голодными. Самое страшное, они были голодными не просто сегодня — только сегодня,— они были голодными постоянно. Кукурузная лепешка с горсткой фасоли не экзотика для них, а обычная, причем единственная пища, и количественно, и качественно повторяющаяся изо дня в день. Даже Вадим Труфанов — врач! — ошибался, пытаясь определить возраст ребенка: тринадцатилетний выглядел восьмилетним, восьмилетний «тянул» на четыре года. В детском садике, открывшемся после революции, из 60 по списку детей ежедневно приходят не больше 20, уж совсем маленькие. Остальные работают. Именно работают, а не помогают работать взрослым. Взрослым? В «Эстрелье» человек старше десяти лет — взрослый.

И все же это были веселые и вездесущие дети. Они были повсюду — на кофейных плантациях, в окопах полного профиля, отрытых вокруг плантаций (вот она, война, высасывающая силы, отнимающая жизни, война, начатая для того, чтобы бедные не смогли преодолеть свою бедность), у вечернего костра в лагере интербригады имени Сандино. «Очень бойкие они,— говорит Виктор Величко.— В них нет той настороженности, которая есть в никарагуанских крестьянах, их отцах, старших братьях. Отчего? Наверное, оттого, что они растут без страха перед тайной полицией, перед днем, когда в дом могли войти чужие люди и увести отца или мать. Да, это дети военного времени. Но они знают, что теперь они не безоружны против сомосовцев...»

Вечер на севере. В Никарагуа не бывает сумерек. В течение пяти минут наступает полная темнота. Тропический день не раздумывает, колеблясь, подобно европейскому, стоит ли отдавать ночи свои права, не сереет неторопливо, растворяя в полумраке очертания предметов, тропический день исчезает в несколько мгновений, без лишних размышлений, чтобы на следующее утро так же быстро и безоговорочно появиться. Перед синими палатками отряда имени Николая Островского вспыхивает костер.

Вот сейчас они придут. Белозубые, неизвестно чему смеющиеся никарагуанские мальчишки. Сумрачные, усталые, предпочитающие молчать крестьяне. Давние знакомцы греки, работавшие на плантациях, не уходят на обед, для того, чтобы перекрыть норму. Обгоревшие, ставшие краснолицыми, как индейцы, парни из Новой Зеландии. Аргентинцы с гитарами... Интербригада: разные языки. Разные судьбы, характеры, мировоззрения. И одно общее, для всех без исключения,— место встречи. Вот этот незнакомый рисунок звезд над головой. Общее: все они приехали в Никарагуа.

Приехали, чтобы помочь революции.

К ФЕСТИВАЛЮ ИНДИИ В СССР

«В Ганди мы видим отца индийской нации. По тому, как каждый из нас понимает этого человека, мы меряем свое собственное развитие... Он был голосом Индии». Так с величайшим уважением писала Индира Ганди о своем однофамильце — Мохандасе Карамчанде Ганди (см. «Ровесник» № 6 за 1987 год).

ГАНДИ

А. ПОЛИКОВСКИЙ

Мохандас Карамчанд Ганди родился в маленьком индийском княжестве Порбандар в 1869 году. В детстве он был тщедушным, слабым мальчиком. В школе он избегал спортивных игр и гимнастики, боясь, что над ним будут смеяться. Он завидовал другу, который быстро бегал и хорошо прыгал. Мечтая стать сильным, Ганди втайне от родителей-вегетарианцев пробовал есть мясо. Ни один грех детства, кажется, не миновал его: то он подбирал брошенные дядей окурки и курил их, то воровал медяки из кармана у слуги. В довершение, страдая подростковой тоской по свободе, он решил покончить самоубийством, потому что ему «казалось невыносимым, что ничего нельзя предпринять без разрешения старших». Однажды вечером, укрывшись от глаз родителей, он проглотил два семечка датуры, но тут же потерял мужество и решил жить дальше...

В школе замечания учителей вызывали у Ганди слезы: в них он слышал укоры собственной бездарности. «Кроме того, я был трусом. Я боялся воров, привидений и змей. Я не решался выйти ночью из дому. Темнота приводила меня в ужас». В этих страхах не было ничего необычного. Тысячи мальчиков во всех странах мира во все времена боялись того же. Но Ганди всегда видел собственные слабости и страхи увеличенными. Если он совершал ошибку, то говорил, что это «ошибка огромная, как Гималаи». Он был, по выражению Джавахарлала Неру, «интроверт», то есть человек, углубленный в себя, ищущий причины всего происходящего с ним в глубине своей души. И, заглядывая в себя, он — в пятнадцать лет так же, как в шестьдесят пять,— находил массу несовершенств и множество недостатков...

В восемнадцать лет он приехал в Лондон для того, чтобы стать адвокатом. Все эти годы он полагал, что «быть цивилизованным — значит возможно больше походить в одежде и манерах на европейцев». Ганди изо всех сил старался быть джентльменом. Он купил себе цилиндр и каждый день тренировался перед зеркалом, снимая его и приглаживая свои жесткие волосы. Но это не помогло ему стать «светским человеком». В присутствии полудюжины людей у него от робости отнимался язык. Он записался в танцкласс, но ничего, кроме нелепых скачков, у него не выходило. Тогда, желая преодолеть свою прирожденную застенчивость, он стал брать уроки красноречия. Но и тут потерпел неудачу. Вернувшись в Индию, он провалил первое же свое дело в Бомбейском суде, когда, парализованный вниманием публики, не смог задать ни одного вопроса. Судья и адвокаты смеялись над ним. Он в отчаянии ломал руки.

Он пытался найти свою силу в том, что недавно, с общепринятой точки зрения, сам считал слабостью. В его руках и ногах не было большой силы, но зато он развил в себе выносливость, полтора часа в день проводя в пеших походах по солнцепеку в суд и обратно. Он не был способен к легкой беседе и занимательному разговору и потому научился не тратить слов зря и говорить только то, во что безусловно верил. Он укреплял характер в простых, непритязательных трудах, которые не могли принести ему ни богатства, ни славы, но которые давали ему спокойное, ровное чувство уважения к себе.

Подобных дел можно было найти множество в Индии, страдавшей от антисанитарии и голода, эпидемий чумы и предрассудков, деливших людей на касты. Ганди считал для себя невозможным говорить о свободе и мириться с грязью. Однажды он взял метлу и собственноручно вычистил одну из уборных. На него смотрели как на чудака. В 1897 году, когда в Индии праздновалось 60-летие со дня восшествия на престол королевы Виктории, Ганди вошел в комиссию по озеленению и со всем возможным старанием поливал и выращивал свой саженец — не ради королевы, а ради самого деревца и тех людей, которым оно даст тень. В это же время он обнаружил в себе способности сиделки и медсестры. Он ухаживал за больными, давал им питье, менял компрессы. «Подобное занятие не имеет смысла, если не находить в нем удовольствия. А когда оно выполняется напоказ или из страха перед общественным мнением, это вредит человеку и подавляет его дух». Он понял простую истину: делая добро, мы делаем его прежде всего себе. Совершая зло, кому причиняем мы его прежде всего? Тоже себе.

Прежние представления о цивилизации как о силе, богатстве и светских манерах он счищал с души, словно грязь. Богатство для него значило очень мало. Ганди шел путем, обратным тому, которым двигалось большинство человечества. Он не копил, а раздавал. По Индии он ездил только в вагонах третьего класса. «В Сахаранпуре некоторых из нас перевели в товарные вагоны, а других — в вагоны для скота, над нами не было крыши, и, сидя на раскаленном железном полу, мы буквально изжарились под ярким полуденным солнцем». Люди вокруг него кричали, дрались, старались занять побольше места, жевали бетель, плевали на пол, спали на заплеванном полу... Он всматривался в крестьян. Глядя на них, он лучше понимал себя. Они были сложены так же, как он,— тонкие руки, тощие ноги, тщедушная грудь. В их огрубелых, заскорузлых душах он прозревал то же желание, что двигало им,— желание обрести достоинство и силу духа, желание выковать твердость характера, не размягчаемую никакими житейскими невзгодами. Но как мог он помочь им? Прививать им вежливые манеры? Политически просвещать их беседами, лекциями, рассказами? Он не избегал этого и всегда готов был объяснять людям

свои мысли с ласковой, дружелюбной улыбкой. Но все его действия, как бы разнообразны они ни были, произрастали из одной почвы. Ганди пытался научить людей делать добро. Добро — это сила. Но прежде надо нащупать зародыш этой силы в себе, надо развивать его непрерывным трудом и непрерывной борьбой с собственной слабостью.

Европейскую цивилизацию Ганди больше не принимал как аксиому. В Европе было слишком много веры в материальную силу, в силу станка и ружья, тогда как для Ганди не существовало иной силы, кроме силы духа, и иной цивилизации, кроме цивилизации добрых дел. Это был его идеал. Видел ли он, как далек идеал от жизни, сомневался ли он? Да, сомневался и даже изнемогал, когда давление толпы, окружавшей его с каждым годом все плотнее, становилось невыносимым: «Меня пугает большинство. Я дошел до того, что мне стало противно обожание толпы. Я бы тверже чувствовал под ногами почву, если бы толпа плевала на меня...» Но, превозмогая эту тяжесть, в тысячный раз снова и снова объяснял свою мысль. Он делал это на грязной верхней палубе парохода, в набитом битком вагоне, по дороге из деревни в деревню. Не медленный ли это путь? Сколько сотен или даже тысяч лет нужно для того, чтобы черепаха истины проползла всю Индию, чтобы доброта и свобода поселились в каждом сердце? Но другого пути Ганди не знал.

Что такое были для Ганди свобода и независимость Индии, как понимал он эти слова, которые другим казались ясными и не требующими объяснений? Радикальный лидер Конгресса[1] Балгангадхар Тилак полагал главным препятствием на пути к свободе англичан. Выгони их из страны — и свобода будет достигнута. Для Ганди дело обстояло иначе. Об англичанах он плохо не говорил. «Они заслуживают скорее нашего сочувствия. Они — умная нация... Они предприимчивы и трудолюбивы, а их склад мышления не безнравственный от природы. В глубине души они неплохие люди, поэтому я уважаю их». Да, но ведь они безжалостно угнетают Индию, презирают ее людей! Ганди это не отрицал. И все-таки он отказывался видеть причину индийских несчастий в англичанах. «Когда они пришли сюда, они были джентльменами, и если они утратили кое-какие черты характера, то в этом виноваты и мы»,— сказал он в одной из речей в 1916 году. Стенограмма скупо передает чувства, которые эти слова вызвали у соотечественников Ганди: «Крики: «Нет!» Но он продолжал с терпеливой лаской убеждать их: «Подумайте: если человек, будучи хорошим вчера, стал плохим после того, как вступил в контакт со мной, кто отвечает за то, что он испортился — он или я?.. Иногда неплохо взять на себя вину». Слово за словом, речь за речью, лекция за лекцией он учил людей, униженных иностранной властью, преодолевать горячее, захлестывающее разум чувство обиды и, снисходительно судя англичан, безжалостно судить себя, свою слабость, свою ложь, свою трусость...

Непрерывная работа улучшения себя шла в нем. Он приучал себя говорить правду людям, даже если она не нравилась им, и поступать в соответствии со своими словами, как бы ни складывались обстоятельства. Он не делил жизнь на большое (в котором нельзя отступать от убеждений) и малое (которым можно поступиться) — каждое слово, каждый поступок, каждое движение души вырастали на почве совести. «И наконец я решил, что не буду делать вообще никаких исключений». Ни в большом, ни в малом. Ни в чем. Он устанавливал себе нравственные правила незыблемыми, как эталоны в Парижской палате мер и весов: ни больше ни меньше. Понимал ли он, чем грозит этот нравственный максимализм в стране, где первым и последним источником власти была английская колониальная администрация? Понимал прекрасно. «Возможно, придется сесть в тюрьму»,— сказал он, начиная кампанию гражданского неповиновения в Чампаране.

В тюрьмах Ганди сидел неоднократно. Он считал это неизбежным при том образе жизни, который избрал себе. Но и индийские тюрьмы, где в камерах вместе с заключенными жили шершни, скорпионы, змеи и попугаи, не могли ничего изменить в его душе. В тюремном быте он даже находил некоторые преимущества. Во-первых, в тюрьме он мог спокойно размышлять и писать, и никакие дела не отвлекали его. Он не без иронии благодарил за прекрасные условия для работы правительство ее величества королевы Виктории. Во-вторых, жизнь заключенного кое в чем была близка к идеалу жизни, как представлял его Ганди: аскетичная простота, ничего лишнего, полное отстранение от суеты и хаоса ежедневной жизни. Многие тюремные правила пришлись ему по душе, и он продолжал соблюдать их и позднее, когда вышел на свободу. Так, он никогда не ужинал после захода солнца. В тюрьме он отказался и от карри — острой приправы, которую в Индии добавляют в любые блюда...

Слава его росла — слава человека, пробуждающего в людях добро. Люди теперь все время были вокруг него. Даже находясь в купальне, он беседовал. Он никому не отказывал. И в каждом старался пробудить то, что он называл «сатьяграха» — упорство в истине, силу до конца следовать своим убеждениям. Об этом он говорил и на митингах. Лысый, с коричневой, обожженной солнцем головой, в белом дхоти, из-под которого торчали тощие ноги в сандалиях, Ганди говорил, чуть улыбаясь в усы, дружелюбно и ласково. Он не делал жестов и не принимал поз. У него не было сильного голоса. Он так и не научился красноречию. Его сила была в чем-то другом, что с трудом поддается определению. «В этом маленьком, физически слабом человеке было заключено что-то твердое, как сталь, несокрушимое, как скала, что-то такое, с чем не смогла бы совладать никакая физическая сила, как бы велика она ни была» (Дж. Неру). Но он не родился таким. Он создавал себя таким — день за днем, месяц за месяцем и год за годом совершая утомительный труд самоулучшения...

Кто он был, Ганди? С точки зрения расхожего здравого смысла, в Ганди было много странного. В регламентированном, склонном к специализации XX веке он не укладывался ни в одну схему. Политик, приведший Индию к независимости? Безусловно так. Но при этом Ганди не основывал партий и не возглавлял ничего, кроме кружка друзей. Философ? Конечно, он был и философ, но сам говорил, что его истины «вполне доступны невинному младенцу». Человек одной идеи, фанатик доброты, письма врагам начинавший с обращения «Дорогой друг!»? И это тоже верно. В нем было что-то очень человеческое, наивное, даже детское...

Глаза его менялись. На ранних, мальчишеских фотографиях в этих глазах есть и упрямство, и скорбная подростковая тоска. Тридцатилетний Ганди глядит с вопросом. А в глазах старца нет ничего, кроме ласкового веселья.

Английский политик лорд Ридинг писал, что в «его внешности не было ничего такого, что чем-нибудь могло поразить. Он пришел в дхоти и шапочке, связанной на ручном домашнем станке, босой, с голыми ногами... Нет никаких сомнений: он искренен во всем, о чем говорит... Почти на грани фанатизма верит в то, что ненасилие и любовь приведут Индию к независимости и дадут возможность ей противостоять британскому правительству. Его религиозные и моральные взгляды вызывают восхищение... хотя, признаться, мне трудно понять, как их можно практически применить к политике».

Но Ганди никогда и не был тем, что называют «профессиональный политик». И политика, сколь много времени и сил она ни забирала в его жизни, все-таки никогда не была для него ни профессией, ни отдельной от других, вычлененной из общих законов нравственности сферой деятельности. Он не признавал, что в жизни может быть что-то, что освобождало бы человека от обязанности быть честным и верным своим убеждениям: это была позиция нравственного философа, взявшегося решать запутанные многолетними интригами, дрязгами, обманами и предательствами политические вопросы. Он отказывался брать деньги за свою общественную деятельность. Он использовал трамвай, а не отдельный экипаж. Да, Ганди с молодых лет вошел в политику, но вошел не через ту дверь, через которую было принято входить. Поиск истины и самопознание были для него изначальными импульсами человеческой жизни, и никто — будь это лорд Керзон или последний индийский крестьянин — не имел права забыть или пренебречь этими импульсами в себе. Политика для Ганди была

[1] *Конгресс — первая всеиндийская политическая партия, созданная в 1885 году.— Прим. ред.*

всего лишь одним из путей, на котором он искал истину,— одним из многих.

Человеческая жизнь представлялась ему цельной и неделимой. Нельзя быть продажным политиком и честным человеком. Нельзя с утра до вечера лицемерить, лгать, устраивать свои мелкие делишки за чужой счет и плести сети, в которые должен попасть другой человек, а потом, приходя домой, снимать ложь, как фрак. Никакая выгода, никакая цель в глазах Ганди не могли оправдать отступление человека от истины — и он, тщедушный, неуверенный, впадавший в немоту в присутствии полудюжины человек, обнаруживал неожиданное упорство, когда речь шла о том, чтобы жить по правилам, которые он считал верными.

25 мая 1915 года Ганди основал ашрам — то есть коммуну для людей, разделяющих его взгляды. К этому времени вся его собственность состояла из дхоти, деревянных сандалий и очков в металлической оправе. В ашраме Ганди пытался создать маленький кусочек будущей Индии — Индии, преодолевшей голод, страх и ложные понятия о счастье. Тридцать человек, жившие тут, все занимались ручным трудом и пряли на старинных прялках. «Мы все ели за одним столом и старались жить единой семьей». В этой спокойной фразе Ганди не было ничего необычного для уха европейца, но для индийца в этом было нечто шокирующее и оскорбительное. В ашраме Ганди жило трое «неприкасаемых» — учитель из Бомбея Дадабхай, его жена Данибехн и их дочка Лакшми, только-только начавшая ходить. С «неприкасаемыми» — за одним столом? Миллионы людей по всей Индии почувствовали бы себя оскверненными, если бы на их одежды упала капля воды из ведра, которым когда-то пользовался «неприкасаемый». Это был шок для всей страны, оскорбление для миллионов правоверных индийцев, почитавших кастовые перегородки святынями.

Ашрам существовал на пожертвования. Но после приема в него «неприкасаемых» поток пожертвований становился все тоньше и тоньше, пока не иссяк совсем. Но на этом неприятности для Ганди не окончились. «Одновременно с прекращением денежной помощи появились слухи о возможном общественном бойкоте ашрама». Итак, Ганди и его друзьям грозил голод. Протянув руку людям, выброшенным из общества, они сами оказались вне общества. Все это было, конечно, печально, ибо говорило о том, как далеки еще соотечественники Ганди от его идеала — идеала братства и доброты. Но неприятности и огорчения не лишили Ганди его всегдашней ровности духа. «Я заявил товарищам по ашраму, что мы не покинем Ахмадабада, даже если нас будут бойкотировать и лишат самого необходимого. Мы скорей перейдем в квартал неприкасаемых и будем жить на те средства, которые сумеем заработать физическим трудом». Он был готов идти до конца.

«Я ПОЧУВСТВОВАЛ КРИК ПРИРОДЫ»

Автопортрет.

Алла ГРАЧЕВА

Эдвард Мунк завещал городу Осло более тысячи картин, четыре с половиной тысячи рисунков, более пятнадцати тысяч оттисков. В 1944 году, в год его смерти, эта коллекция была оценена в десять миллионов крон. Между тем единственными ценными вещами в доме художника, владевшего миллионной коллекцией, были два ордена — Святого Улафа и Почетного Легиона — и карманные часы на шнурке от ботинок.

Мунк жил в обстановке не просто бедной — нищенской: стол с кроватью, шкаф, несколько плохих стульев. Голые лампы без абажуров. Окна без занавесей. Он не замечал убогости обстановки — она его нисколько не интересовала.

Единственное, чем он дорожил, была живопись.

Эдвард Мунк происходил из старинного рода, давшего Норвегии известных ученых, художников, поэтов. Смерть матери, когда мальчику едва исполнилось 5 лет, нарушила размеренный ход жизни: отец (военный врач) замкнулся в себе, стал строг до жестокости, погрузился в религию. Мунк напишет впоследствии много его портретов: стоящим на коленях, молящимся, читающим — все они создают ощущение гнетущей замкнутости и печали.

Отец хотел, чтобы Эдвард стал инженером, но плохое здоровье не позволило юноше получить техническое образование. Он увлекся живописью — она стала для него попыткой освободиться от мрачной атмосферы в доме — и в 18 лет поступил в Королевскую школу рисования, где проучился всего лишь год, а затем вместе с друзьями снял студию и стал работать самостоятельно.

Уже ранние его работы написаны уверенной кистью мастера. Среди них — первый из множества автопортретов. Мунк писал их потом ежегодно, словно следя за тем, как на него воздействует время. Менялся не только он сам — менялась его живопись. Автопортреты без утайки, как на исповеди, повествуют о его жизни, тревогах, поисках, находках, разочарованиях. Один из биографов обращал внимание на сходство черт Мунка и Леонардо да Винчи. Оба обладали огромной силой воли, оба, далеко опередив свое время, остались чужими среди современников.

Трудно поверить, что Мунк, кому норвежская школа живописи обязана выходом из провинциальных кулис на сверкающую авансцену мирового искусства и кто вместе с Г. Ибсеном в литературе и Э. Григом в музыке вошел в «великую тройку» — гордость и славу Норвегии,— тридцать лет не был признан в своем отечестве.

С первой художественной выставки 1884 года в Христиании (так до 1924 года назывался Осло), в которых Мунк затем участвовал ежегодно, норвежская критика беспощадно и злобно преследовала его. Искусство художника объявляли грубым, бредовым, безнравственным. Одну из ранних работ, «Больная девочка» (1886 год),— шедевр, украшающий ныне Национальную галерею в Осло,— расценивали как испорченный рисунок. Картина была написана вскоре после возвращения Мунка из Парижа и его знакомства с Лувром и Салоном импрессионистов. Это полотно, наиболее любимое Мунком и многократно повторенное им,— прощание художника со старшей сестрой, умершей от чахотки. Воспоминания детства, омраченного ранней смертью матери и сестры, навеяли целую серию картин: «Утро», «Весна». Это

Больная девочка.

поэмы печали и поэтической грусти, но в них нет ни надрыва, ни мрачности. Один из немногих почитателей Мунка, впоследствии директор Национальной галереи в Осло, считал эти полотна огромным достижением в сравнении с бесстрастными «фотографическими» изображениями других живописцев.

«Я буду писать людей дышащих, чувствующих, любящих и страдающих,— говорил Мунк.— Зрители должны проникаться святостью этого и снимать перед картинами шляпы, как в церкви». Однако норвежская критика упорно демонстрировала прямо противоположное отношение к художнику и его полотнам.

Ханжеская мораль обывателей вызывала яростный протест артистической молодежи Христиании, увлекавшейся Дарвином, читавшей Маркса и Кропоткина. Этот протест нашел обобщение в романе писателя Ханса Йегера «Богема Христиании», опубликованном в 1885 году и немедленно запрещенном и конфискованном властями. Название книги дало имя группе молодых художников и писателей, к которой примкнул и Мунк.

Его связь с кружком «Богема Христиании» лишь усугубила нападки критики. Мунку редко удавалось продать картину. Но даже в те трудные времена ему и в голову не приходило подлаживаться под вкусы обывателей.

Мунку было 26 лет, когда в Норвегии состоялась его первая персональная выставка. Живописец вынес на суд соотечественников более ста работ: портреты родных и друзей, жанровые сценки, простые по композиции, с однойдвумя фигурами и скупыми деталями. Работы, насыщенные мыслью, чувством и настроением, в которых его собственная духовная жизнь отразилась как в зеркале: природная сдержанность, простота, любовь и пристальное внимание к людям, к их внутренним конфликтам и тревогам. Стоит ли говорить, что и эти в большинстве своем лирические работы были объявлены плодом сумасбродной фантазии.

Осенью 1889 года Мунк на 12 лет покидает Норвегию, путешествуя по Франции, Германии, Италии и лишь наездами бывая на родине. Волна бегства из Скандинавии, не принимавшей нового искусства, увлекла не только Мунка: уехали в Париж и Берлин и обрели там признание Генрик Ибсен и скульптор Густав Вигеланн, шведский писатель Август Стриндберг. Воодушевленный успехом своих соотечественников, Мунк решил тоже попытать счастья в Париже, но ни его выставка в 1896 году, ни участие в Салоне независимых не принесли ему известности. Впоследствии художник с горечью вспоминал, что слава пришла к нему не в Париже, городе художников, а в Берлине.

Тем не менее время, проведенное во Франции, несмотря на невзгоды, было плодотворным для Мунка. Он пишет ряд картин в манере, близкой к импрессионизму: «Улица Карла Юхана», «Весна на Карл-Иоганн-Штрассе», увлекается Тулуз-Лотреком, Ван Гогом, Гогеном, но все эти влияния были лишь переходом к его новому стилю, сложившемуся позднее в Берлине.

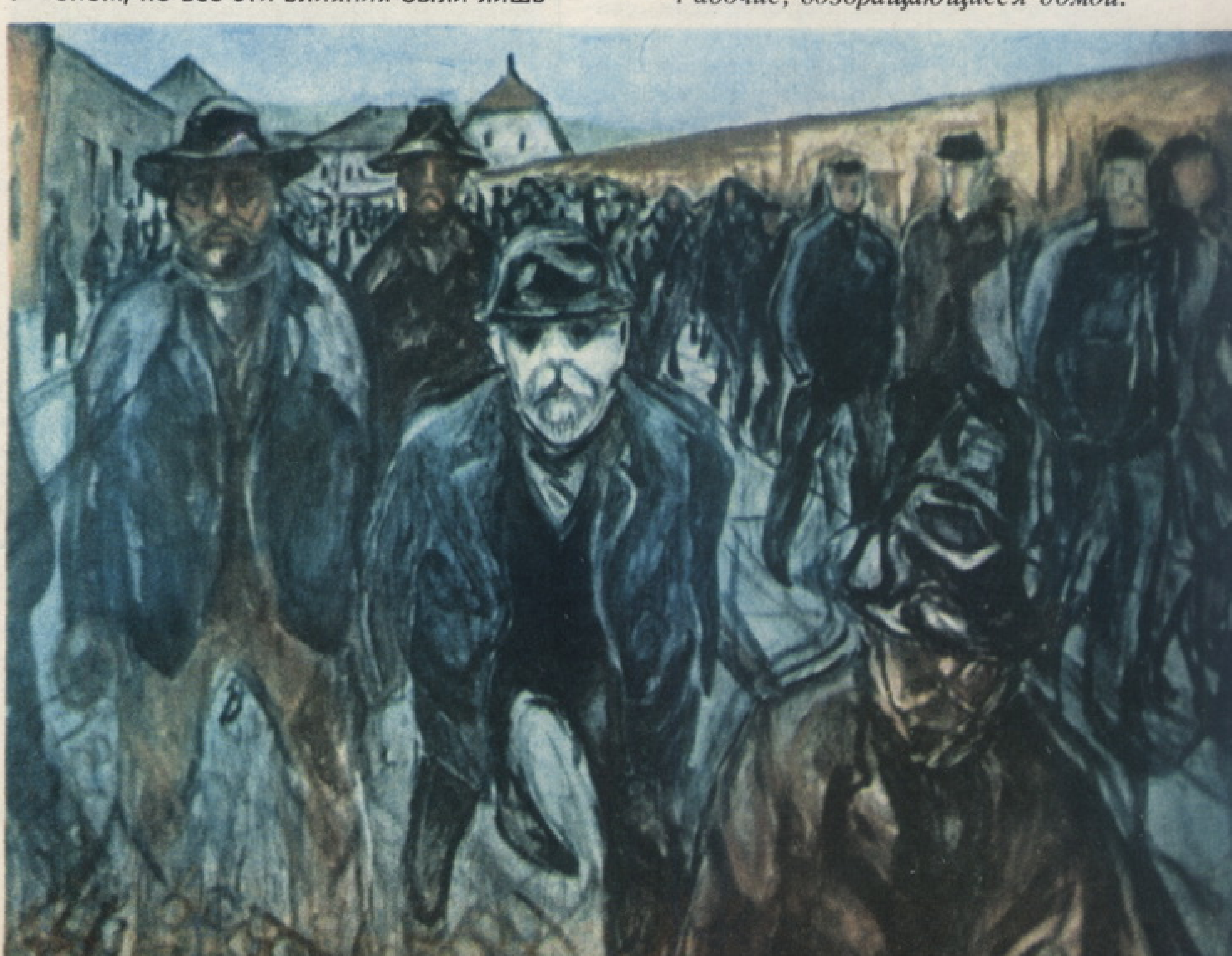
Мунк с его обостренным вниманием к внутреннему миру человека не мог удовлетвориться созерцательностью импрессионистских пейзажей, любованием игрой красок и оттенков. И в изображении природы он стремился выразить свое мироощущение, надежды и тревоги. Его любимым сюжетом был береговой пейзаж и люди в борьбе, в напряжении, в погоне за счастьем — они составляют единое целое с природой, сливаются с ней. Неповторимость его картин — в глубоком личном переживании, в страстной исповеди. В этом Мунк близок Достоевскому. Сильное влияние великого русского писателя заметно в его живописи, так же как и увлечение Ибсеном и Стриндбергом, с которым его связывала многолетняя дружба.

К пьесам Ибсена Мунк, никогда не иллюстрировавший книг, сделал множество рисунков — к «Пер Гюнту», «Привидениям», «Столпам общества», оформил афишу к спектаклю «Пер Гюнт», который ставил один из парижских театров, создал великолепный графический портрет Ибсена.

Именно в Париже — центре возрождения литографии — Мунк всего только за один год стал искусным гравером. Он переводит в графику свои полотна, и то, что прежде шокировало публику в его живописи, неожиданно приносит ему успех.

Мунк не знал покоя и безмятежности. Печали детства врезались ему в душу и мешали чувствовать себя счастливым. Он воспринимал жизнь трагически, считая ее слепой игрой, а людей — пешками в этой игре. Свое мрачное мировоззрение он разделял с Шопенгауэром, Ницше, Стриндбергом, с их пессимистичными прогнозами. С об-

Рабочие, возвращающиеся домой.

Девушки на мосту.

наженной искренностью Мунк рассказывает в своих полотнах, наполненных тревожной символикой, о тоске одиночества, о страхе и бессилии человека. Самая характерная картина этого периода — «Крик» (1893 год). На фоне кроваво-красного пейзажа, напоминающего застывшую лаву, юноша на мосту обхватил голову руками. Лицо его — маска с пустыми глазницами, рот раскрыт в немом крике. На литографии Мунк сделал надпись: «Я почувствовал крик природы».

Эту работу по праву считают началом экспрессионизма в европейском искусстве XX века. Надломленность и тревога, одолевавшие Мунка, отражали надломленность и тревогу, царившие в мире. Художник стал резонатором общего пессимизма и неудовлетворенности. Его «Крик» прозвучал протестом против фатального одиночества, безысходности человеческой судьбы, предостережением против зла и насилия, надвигавшегося на Европу.

Страстям человеческим он посвятил цикл картин «Фриз жизни», который считал главным в своем творчестве. Мунк писал его 30 лет и так и не закончил. Фриз задуман как ряд связанных друг с другом полотен о борьбе, трудностях и радостях человека. В этих картинах («Поцелуй», «Барка юности», «Вампир», «Крик», «Мадонна» и др.) за извилистой линией берега всегда волнующегося моря развертывается жизнь с ее печалями и радостями. Фриз — это поэма о жизни, любви и смерти.

Главная картина Фриза — «Танец жизни». Одна и та же женщина совершает танец-круговорот на берегу моря при свете луны: в юности в белом платье, полная трепетных ожиданий, в умудренной зрелости и в конце пути — одинокая поникшая фигура в черном.

Когда в 1892 году часть полотен «Фриза жизни» была выставлена в Осло и традиционно отвергнута критикой, пришло неожиданное приглашение показать их в Берлине. Но торжественно открытая выставка через неделю была закрыта — новое течение в живописи не устраивало консерваторов. И тогда разразилась настоящая буря: ведь были нарушены все законы гостеприимства. Мунк стал причиной раскола среди немецких художников: передовая артистическая молодежь вышла из Германской ассоциации художников и организовала новый союз — «Берлинский Сецессион».

Здесь Мунк нашел наконец горячих почитателей и преданных друзей. Он остается в Берлине, но ненадолго. Словно гонимый собственным гением, внутренними противоречиями и тревогами, художник снова пускается в путь. Из Германии он едет во Францию, Бельгию, Италию. Вечный скиталец, он оставался неутомимым тружеником, создававшим настоящие шедевры. Это был своеобразный рекорд сверхчеловеческой воли, упорства и трудолюбия. Более ста выставок состоялось с 1892 по 1909 год в Скандинавии, Франции, Австрии, Италии, России и США. Изнуренный беспрерывной работой и столь же беспрерывными метаниями по Европе, Мунк оказался на грани катастрофы: у него произошел нервный срыв, и после пребывания в больнице он наконец обосновался на родине.

Изменилась манера его письма. Краски стали более светлыми, исчезли мрачные темы. Он влюбленно пишет природу северного края — лирические пейзажи с изображениями девушек на мосту, завороженно смотрящих на воду. Эту тему он повторял не менее пятнадцати раз и в живописи, и в графике. От «Мостов» Мунка, то ярких и праздничных, то таинственных в свете луны, веет неповторимым очарованием.

Одним из первых среди европейских художников XX века Мунк создал образ пролетария. «Теперь эпоха рабочих,— писал художник,— разве искусство не станет общим достоянием? И тогда оно займет место на больших площадях общественных зданий».

В 1904 году Мунк участвует в конкурсе на роспись стен актового зала Университета в Осло и выходит победителем. Работа над большими декоративными панно — «История», «Альма матер», «Солнце» — с реальными и сказочными пейзажами Скандинавии заняла пять лет. Еще дважды Мунк обращается к монументальной живописи; осуществляет роспись стены фабрики «Фрейя» в Осло и проект росписи ратуши, оставшейся незаконченной из-за войны. В ратуше есть «комната Мунка», украшенная его панно «Жизнь».

Мунк поселяется в усадьбе Экелю неподалеку от Осло, где строит студию для картин «Фриза жизни». Весь второй этаж дома, чердак и погреб были забиты картинами. Во всем Экелю царил невероятный беспорядок. В доме, где он прожил последние тридцать лет, было так же пусто, когда он умер, как и тогда, когда он туда переехал. Мунк жил отшельником, с годами все более уединяясь и желая лишь одного — писать и никогда не расставаться со своими картинами.

Едва ли найдется другой художник, кто бы с таким рвением собирал собственные работы. «У меня нет детей, кроме моих картин,— заявлял он.— Они должны находиться около меня, чтобы я мог работать». Мунк неохотно продавал картины, и если ему приходилось расставаться с некоторыми из них, он часто создавал их заново. В последние годы жизни из десяти картин он едва ли продал одну, чтобы выручить на жизнь, весьма скудную. Однажды его друг увидел у него на глазах слезы, когда он подписывал при продаже полотно. Художник относился к своим работам как к живым существам, часто воевал с ними, ругал. Если он бывал недоволен картиной, то на недели выставлял ее на дождь и солнце, называя это «лошадиным лечением»,— немного грязи и воды им не повредят, создастся новая игра красок. «Это плохой ребенок»,— говорил он о каком-нибудь неудавшемся полотне. Когда же картина ему нравилась, глаза Мунка загорались: «Я был верен богине искусства, и потому она не покинула меня».

«Теперь мне платят тысячу крон за отпечаток ноги,— иронизировал Мунк.— Если я промочу ноги, то, стоит мне их поставить на картон, я получаю тысячу крон. Но я не продаю картин. Они все у меня».

В 1937 году 82 картины Мунка, находившиеся в общественных и частных коллекциях, были конфискованы, объявлены «дегенеративными» и проданы с аукциона. Это произошло в Германии, той самой Германии, где еще недавно Мунка признавали великим художником. Над страной опустилась ночь фашизма.

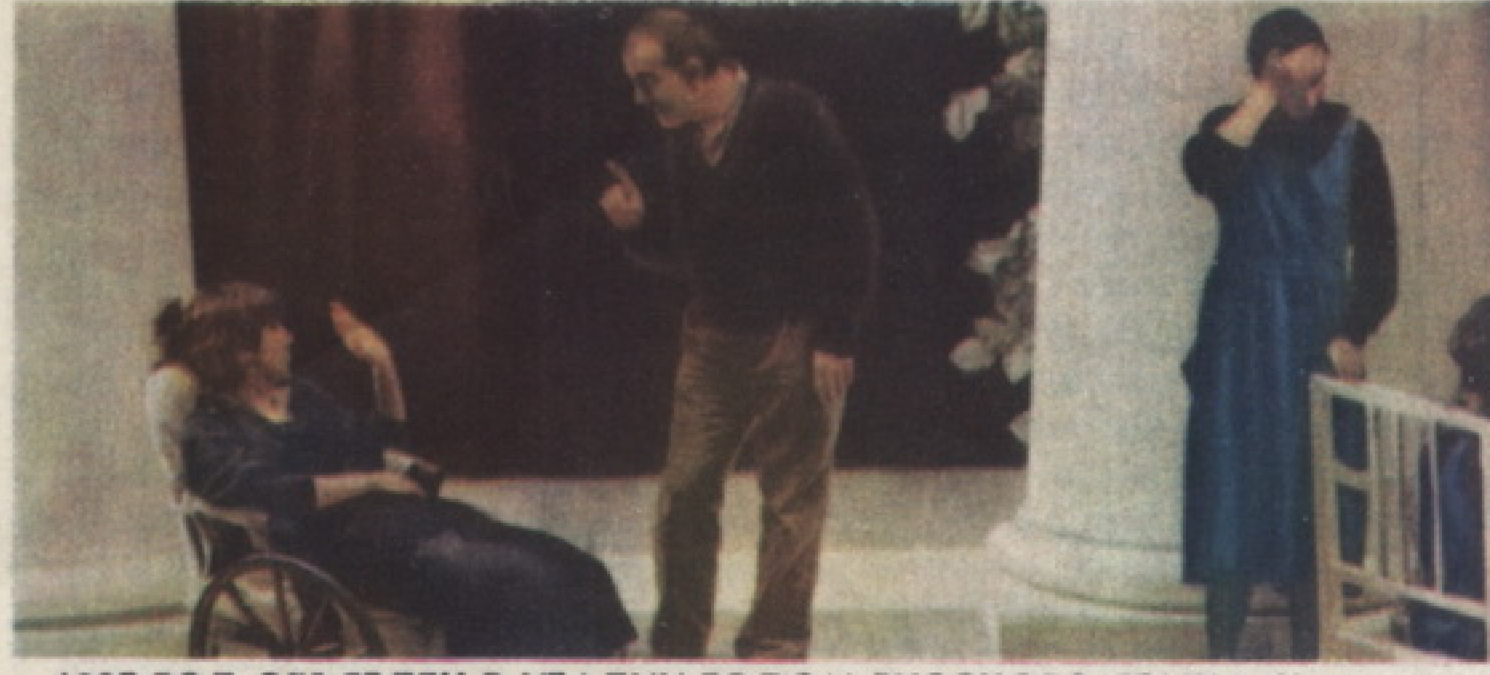
В 1940 году гитлеровцы оккупировали Норвегию. Мунку тогда исполнилось 76 лет, он был болен. Но в нем жили несгибаемый дух и мужество истинного норвежца. В отличие от Кнута Гамсуна, запятнавшего себя коллаборационизмом, Мунк не желал иметь ничего общего с «саранчой в зеленых мундирах», как он называл фашистов и их прислужников. Квислинговцы[1] хотели заполучить художника с мировым именем в «почетный совет искусства», куда входили Кнут Гамсун, Густав Вигеланн и другие. Мунк отверг их предложение. Гамсун послал к нему своего сына, чтобы тот склонил затворника из Экелю к сотрудничеству. Старый художник был непоколебим. Он отказался от пышного празднования своего 80-летия, когда квислинговские власти намеревались устроить большую выставку его картин.

На стене его дома висела пожелтевшая от времени газетная заметка, напечатанная в 1905 году, когда Норвегия отделилась от Швеции и обрела наконец свободу.

Мунк верил, что его родина вновь станет свободной, и остался верен ей до конца.

---

[1] *Сторонники правительства Видкуна Квислинга, сотрудничавшего с оккупантами. Квислинг (1881—1945) — организатор и лидер фашистской партии в Норвегии, содействовал захвату страны фашистской Германией. Казнен как военный преступник.— Прим. авт.*

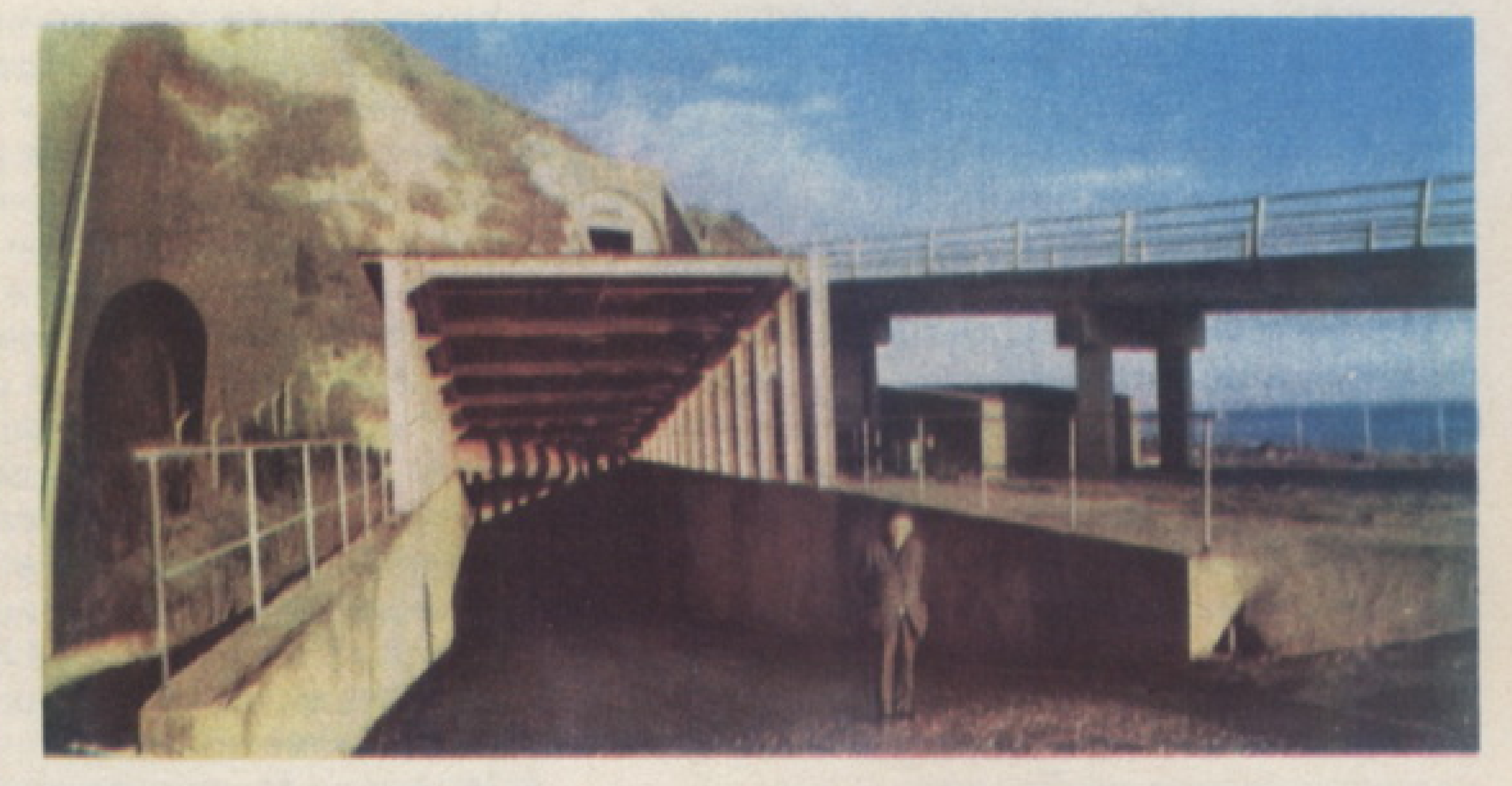

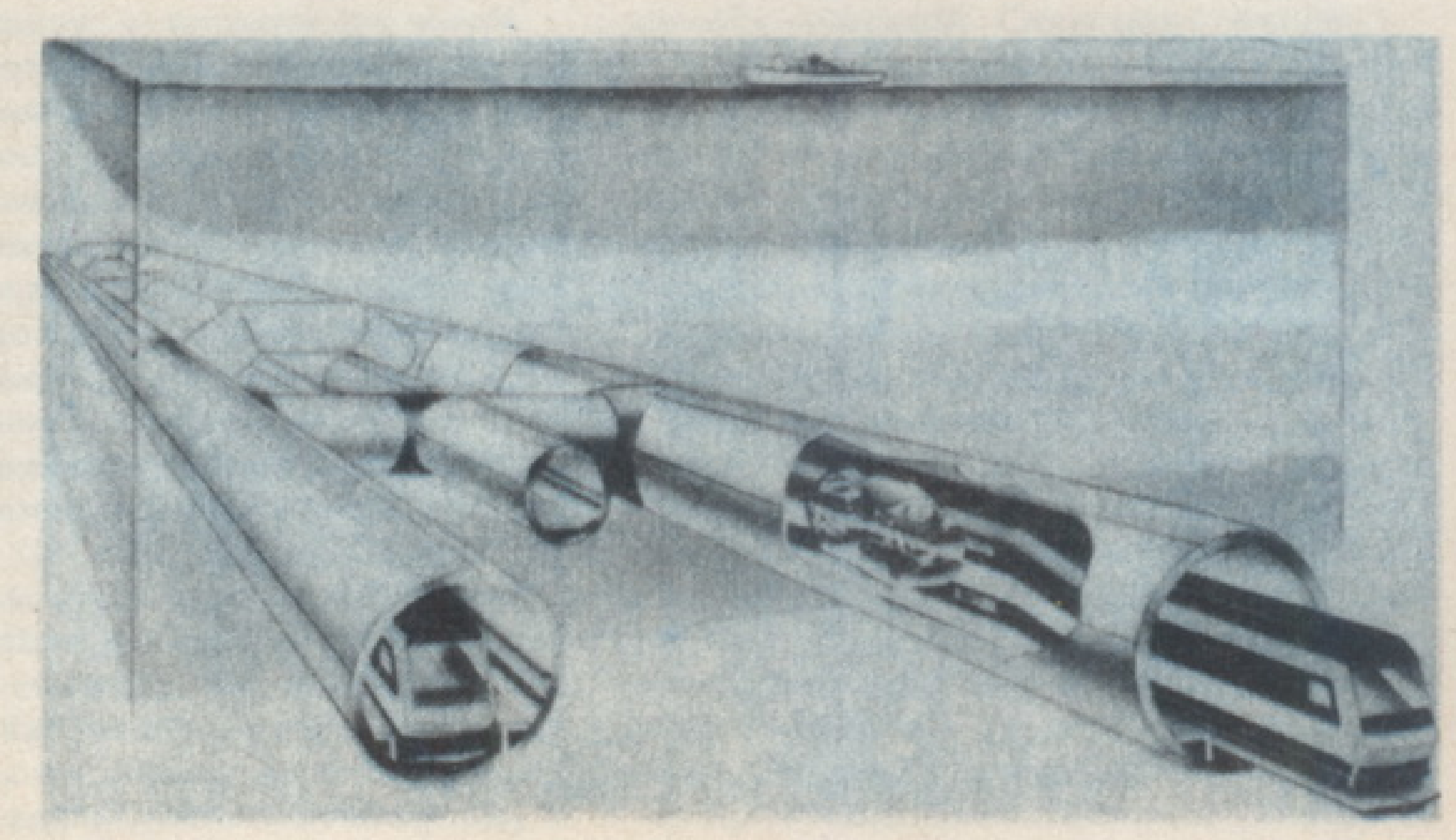
1987 ГОД ОБЪЯВЛЕН В ИТАЛИИ ГОДОМ РУССКОГО ЯЗЫКА. Наша литература находит себе новых и новых почитателей, в театрах ставятся русские пьесы (на снимке: режиссер М. Кастри работает над чеховской «Чайкой»), в кинотеатрах идут фильмы «на русскую тему» (вы видите кадр из старой голливудской экранизации «Анны Карениной», в роли Анны — Грета Гарбо)... А несколько итальянских писателей устроили между собой соревнование, пытаясь придумать иные окончания классических произведений: что произошло бы, если бы Анна Каренина осталась жива! Каково будущее детей Наташи и Пьера! Не стоит размышлять о качестве этой литературной продукции. Важнее другое: если предпринимаются подобные попытки, значит, судьбы героев русской классики продолжают волновать современных итальянцев.

СЕКРЕТ «ЗОМБИ». Тридцать лет правили на Гаити диктаторы Дювалье, Папа Док и Бэби Док. Правили — это значит травили, запугивали, пытали, забивали до смерти. Правили при помощи тонтон-макутов — политической полиции, черпавшей опыт у гитлеровского гестапо, и... колдунов — проповедников культа вуду (одного из колдунов вы видите на снимке). Излюбленным приемом «воспитания» было превращение непокорных в «живых мертвецов», «зомби». Как удалось выяснить французскому врачу Ламарку Дуйону, колдуны готовили специальный напиток, основу которого составлял яд. В соответствующих дозах этот яд способен затормозить обмен веществ до такой степени, что даже опытный медик может ошибиться и констатировать смерть. Потом «живому мертвецу» вводили другой препарат, человек «оживал», но терял память, становился послушным рабом колдунов. Затем «зомби» продавали в рабство на плантации в глубине острова. Но не помогли Дювалье ни «зомби», ни тонтон-макуты. Народ прогнал семейку диктаторов.

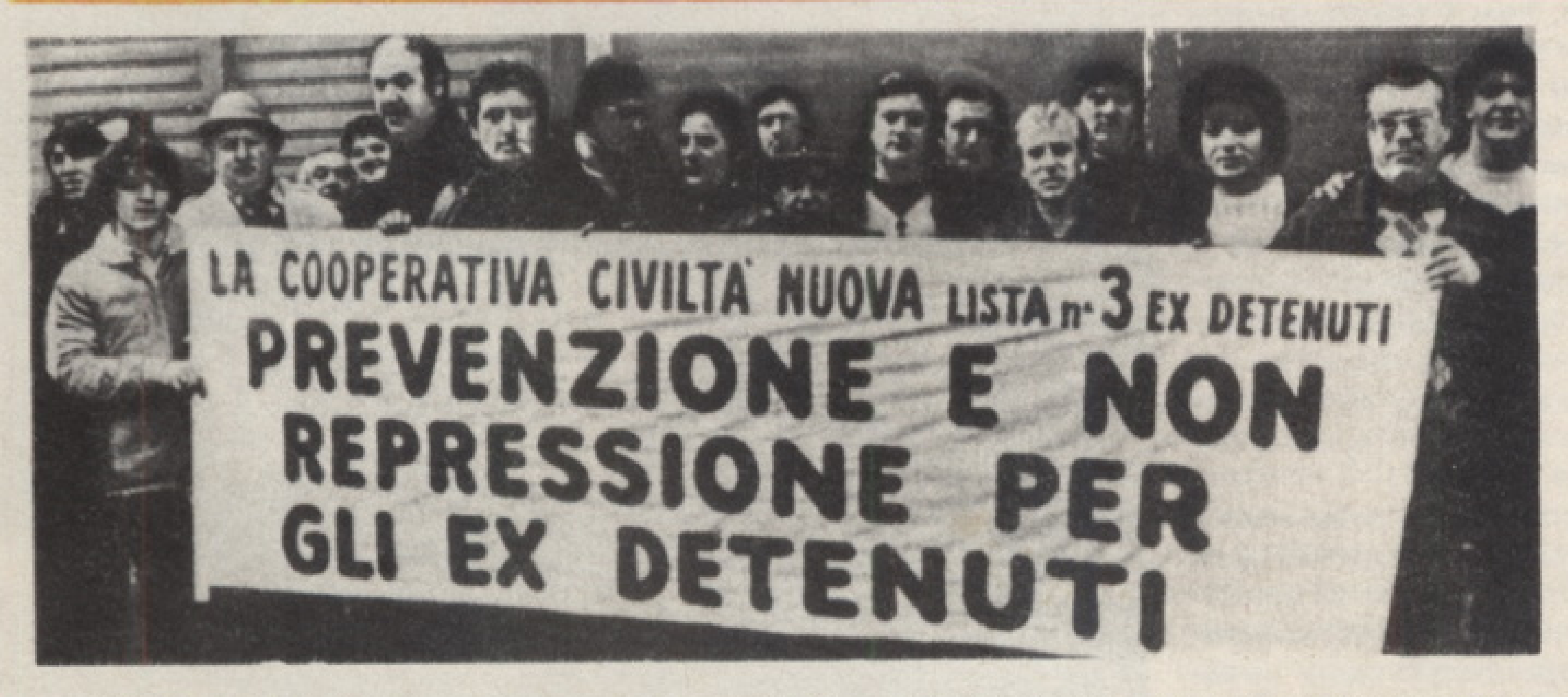

ТУННЕЛЬ ПОД ЛА-МАНШЕМ. Авария пассажирского парома в Северном море, при которой погибли около 200 человек, привлекла особое внимание к строительству туннеля под Ла-Маншем. Главное, что заботит сейчас строителей,— надежность этого вида сообщения. Продумана специальная система пожарной безопасности, предусмотрено автономное энергоснабжение, так что даже одновременные аварии во Франции и Англии не оставят пассажиров без электроэнергии. Предполагается сооружение двух главных туннельных стволов, прорытых в твердом грунте на глубине сорока метров под дном пролива. По этим туннелям будут двигаться поезда с платформами для машин, грузов и пассажиров. Диаметр туннелей — 7,3 метра. Между ними намерены проложить центральный служебный туннель диаметром 4,5 метра для вентиляции и, в случае необходимости, эвакуации. Работы на английском берегу уже начаты, пройдено около 2,5 километра служебного туннеля.

БАНДОНЕОН — близкий родственник гармоники, аккордеона и концертино — появился на свет в середине прошлого века в Германии. Как гласит легенда, один ирландский моряк завез его в Аргентину, откуда бандонеон совершил обратное триумфальное шествие в Европу. Триумфальное потому, что в начале нынешнего века подобным образом явилось в Старый Свет аргентинское танго, без бандонеона, как считают знатоки, немыслимое. Сейчас Европа переживает очередное возрождение интереса к танго и, естественно, к бандонеону. Коллекционеры отряхивают пыль с мехов, а в Милане состоялся концерт знаменитого аргентинского музыканта и автора многих известных танго Астора Пьяццолы. Помимо танго, он играл на бандонеоне произведения Баха и Моцарта.

СИНЬОР ДЕПОЗИТО, хронически страдающий безработицей неаполитанец, заметил, что в его родном городе преступникам, вышедшим на свободу, куда легче получить работу, чем честным гражданам. Что делает синьор Депозито, безупречно чистый, на свою беду, перед лицом закона! На глазах у полицейского крадет дамскую сумочку и...

Это не сюжет очередной кинокомедии. В 1981 году в Италии был принят закон о трудоустройстве отбывших заключение. За день до его обнародования в Неаполе насчитывалось 650 бывших заключенных, через день — две тысячи, дальше — больше. Возник синдикат из крупных жуликов, отправлявший за взятки невинных людей в тюрьму и затем предоставлявший им работу.

На снимке: демонстрация бывших заключенных против коррупции.

ВСЕ МОЖЕТ БЕЛЬМОНДО! В самолете «Конкорд» отказал двигатель. Среди пассажиров поднялась паника, и тогда один из них бросился к тихо сидевшему на своем месте Жану Полю Бельмондо: «Ну сделайте же что-нибудь!» — ведь Бельмондо все может. Успокоим читателей: полет окончился благополучно, но эта история хорошо иллюстрирует отношение публики к прекрасному французскому актеру. Доказательство всемогущества Бельмондо — и гвоздь нынешнего парижского сезона — пьеса Александра Дюма в переложении Ж.-П. Сартра «Кин». Бельмондо играет роль Кина, великого английского актера прошлого века, причем роль Кина в самых разных его ролях, что удесятеряет трудность задачи. (На снимке: Бельмондо — Кин в роли Отелло.) Известно, что Жан Поль Бельмондо на съемках всегда работал без дублеров, сам выполнял головокружительные трюки и прыжки. Но свою последнюю работу артист сравнивает с наиболее трудным прыжком — ведь он вернулся в театр после почти тридцати лет работы в кино.

ЕЕ ЗОВУТ «СВЕРХНОВАЯ 1987А», и сияет она, словно 100 миллионов солнц. Из-за нее не спят ночами астрономы, перенастраивается аппаратура спутников Земли, а расторопные поэты уже сочиняют стихи на заданную природой тему...

За предыдущим взрывом сверхновой звезды в созвездии Змееносца следил в 1604 году Иоганн Кеплер. С тех пор в нашей Галактике подобных катастроф не наблюдалось: хотя астрономы замечают вспышки сверхновых почти ежегодно, но происходят они в далеких галактиках. И вот канадский астроном Ян Шелтон зафиксировал взрыв сверхновой в соседней с нами галактике Большое Магелланово Облако.

Эта сверхновая взорвалась 170 тысяч лет назад, но лишь 23 февраля 1987 года ее свет достиг Земли. Как считают ученые, этот свет даст возможность по-новому взглянуть на старые тайны Вселенной.

ПОЛИТИК

Генри КИССИНДЖЕР,
бывший государственный
секретарь США

Страсть к футболу я начал питать еще с юности, когда жил на юге Германии в городе Фюрте, все жители которого были помешаны на футболе, а городская команда непонятно каким образом трижды побеждала на региональных первенствах. Мой отец был просто в отчаянии оттого, что сын предпочитал уютным креслам в опере и умиротворяющей тишине музеев стоячие места (сидячих тогда не хватало) на стадионе.

Этот спорт возбуждает безудержные страсти, которые особенно накаляются раз в четыре года во время чемпионатов мира. Когда играет сборная Бразилии и бразильских болельщиков просто не оторвать от телевизионных и радиоприемников, убытки, которые несет экономика страны, исчисляются сотнями миллионов долларов. Подобная статистика применима, пожалуй, к любой футбольной державе мира.

В футболе мы видим удивительное сочетание мастерства каждого игрока, сыгранности всей команды и правильного построения тактической борьбы. Этот спорт как нельзя лучше соответствует характеру международных встреч. В пору моей юности футбол не отличался комбинационностью и предпочтение отдавалось скорее атакующим действиям. Игра тогда строилась по схеме: пять нападающих, три игрока — в центре, два — на задней линии и вратарь. Поскольку нападающих было больше, чем защитников, голы забивались гораздо чаще, чем в современном футболе. К концу тридцатых годов тактика была пересмотрена: центральный полузащитник должен был закрывать центрального нападающего команды противника. Три игрока в защите фактически ограничивали атакующие возможности соперника, которые с незапамятных времен основывались на действиях центрального нападающего. В начале пятидесятых годов венгерская команда продемонстрировала, как путем обманных действий центрфорвард может преодолеть линию обороны. Игрок, перемещаясь то к боковой линии, то к центру поля, отвлекает на себя внимание «своего» защитника, в результате чего перед воротами противника образуется брешь.

Но, как и при ведении военных операций, атакующие действия в футболе вызывают активизацию обороны. Для того чтобы как-то нейтрализовать блуждающего центрфорварда, была образована так называемая защитная зона: игроки обороны закрывают определенную зону независимо от того, какой игрок атакующей команды в ней находится. Некоторое время спустя футбол стал универсальным: каждый футболист должен умело играть как в защите, так и в нападении.

Сегодня, по существу, во всех странах мира, возможно за исключением Бразилии, Аргентины и Франции, футбол строится на игре в обороне. Расстановка игроков идет по схеме: четыре — в защите, четыре — в центре и два нападающих. Как правило, такая массированная оборона может быть сломлена только целенаправленными действиями нападающих и точнейшими передачами мяча от одного игрока другому. Результат — футбол принял исключительно тактический характер. Примечательно, что острота игры зависит от того, к какой тактике прибегают в разных странах мира. Ярким свидетельством тому служит стиль игры команд таких футбольных держав, как ФРГ, Бразилия, Италия и Англия, сегодня особенно преуспели футболисты ФРГ, Италии и Бразилии.

История западногерманского футбола начинается с послевоенного времени, когда он стремительно вырвался на международную арену. Игра национальной сборной ФРГ напоминает тактику действий генерального штаба. Все продумывается до мельчайших деталей; каждый игрок умело действует как в нападении, так и в защите, разворачивая игру по всему полю и начиная атаку по возможности от своих ворот. В расчет берется все, что можно предугадать благодаря человеческой проницательности, плюс продуманная подготовка, упорные тренировки.

И успехи заметны. На чемпионатах мира команда ФРГ дважды — в 1954 и 1974 годах — завоевывала победу. Кроме того, ей дважды удавалось выйти в финал. Наконец, в 1966 и 1978 годах западногерманская команда была близка к выходу в полуфинал. Однако тактику сборной ФРГ отличает тот же недостаток, что и пресловутый план Шлиффена, на котором строилась стратегия немецкого командования в годы первой мировой войны. Оказывается, и человеческая проницательность бывает небезгранична. Психологическое давление, оказываемое командой, ведущей острую комбинационную игру, невозможно предугадать заранее. Если в турнирной таблице кто-то опередил западногерманскую сборную или ее тактика в игре не

приносит успеха, тогда невольно у игроков появляется предубеждение: мол, любые усилия, достойные самой высокой оценки, не ведут к победе, и зарождается страшная мысль, что это не что иное, как роковой удар судьбы.

В Бразилии подобными комплексами не страдают. Национальная сборная страны из года в год доказывает, что боеспособность команды зависит в значительной степени от радостного и веселого настроения игроков. Бразильские болельщики встречают своих кумиров громом оваций под сопровождение заводных ритмов самбы. Бразильским футболистам под силу любые акробатические трюки. Игра этих парней производит незабываемое впечатление независимо от исхода матча. Футболисты, как и бразильские политики, умело сочетают свое индивидуальное мастерство с практическими действиями, что на международной спортивной арене служит залогом успеха. Ре-

зультат — бразильская сборная принимала участие практически во всех чемпионатах мира и становилась обладательницей кубка чаще, чем любая другая. Правда, на последнем чемпионате в Мексике она вышла только в четверть финала. Это можно отчасти объяснить тем, что по воле жребия сборные Италии, чемпиона мира, Франции, чемпиона Европы, и двух потенциальных чемпионов — Бразилии и ФРГ — оказались в одной группе, тогда как в другой — только сборная Аргентины могла претендовать на чемпионское звание, остальным командам еще никогда не удавалось войти и в четверть финала.

О ФУТБОЛЕ

Естественно, что бразильские футболисты, как и все люди, не лишены некоторых человеческих слабостей. Порой они настолько увлекаются своей великолепной техникой, что забывают о главной цели — забивать голы. Я никогда не видел в воротах бразильской команды классного вратаря. Может быть, потому, что перед ним поставлена только одна-единственная задача — защищать ворота? Вратарь стоит на одном месте, в то время как его товарищи по команде передвигаются по всему полю, вволю наслаждаясь игрой. Его чисто защитное назначение, пожалуй, нарушает представление бразильца о самом себе, связанное с тем, что в атаке, а это большая часть игрового времени, бразильская команда напоминает оркестр, исполняющий самбу на карнавале. Подобно морскому прибою желтые футболки обрушивают свой натиск на ворота противника, всякий раз разбивая его ряды, но при этом не нанося сопернику морального унижения. Ведь проиграть такой команде, играющей в неподражаемом стиле, не считается зазорным.

Сборная Италии занимает одно из ведущих мест в мире, несмотря на то, что жребий уготовил ей в Мексике ту же участь, что и бразильцам. Для итальянского футбола издревле характерна убежденность, что все зависит от «случайного стечения обстоятельств» и борьба «за выживание» должна основываться на максимальной экономии сил. Такая тактика помогает направить действия противника в нужное русло и в реальной обстановке четко скоординировать свою игру поэтапно. Изначальная цель, которую перед собой ставят итальянские футболисты, заключается в том, чтобы расстроить замыслы противника, рассредоточить его силы и заставить отказаться от излюбленного стиля игры. В начале матча игроки разбивают натиск противника и ведут игру исключительно в обороне, проявляя крайнюю жесткость и вместе с тем высокую организованность. Но стоит им навязать противнику свою собственную игру, как они начинают демонстрировать атакующий и самый прекрасный футбол в мире.

Перечень национальных стилей, отличающихся своеобразием, был бы неполным без упоминания об английском футболе. До второй мировой войны и почти целое десятилетие после ее окончания английским футболистам не было равных в мире. Я пишу «английским» потому, что в соответствии с правилами организации и проведения чемпионатов мира Соединенное Королевство представляет одна из четырех команд: Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, победившая на отборочных международных первенствах. Конечно, единая сборная Великобритании, в которую входили бы лучшие игроки из четырех перечисленных мною команд, представляла бы самую грозную силу. Английские клубы, привлекающие для участия в международных встречах игроков со всех Британских островов, добиваются гораздо лучших результатов, чем национальная сборная.

Упадок, который в настоящий момент переживает футбол в Англии, объясняется, на мой взгляд, тем, что английские футболисты отказываются следовать современной тактике. В предвоенные годы англичане подавляли своих соперников скоростью, мощью и физической подготовкой. Тактика команды заключалась в стремительных проходах вдоль боковой линии и по центру поля, в то время как нападающие мастерски осуществляли мощный прорыв к воротам противника. Но стоило укрепиться линии обороны, как английская тактика стремительного прохода потеряла былую эффективность. К тому же в Европе стали создаваться профессиональные футбольные клубы, и прежнее преимущество, заключавшееся в высокой физической подготовке, оказалось сведенным на нет.

На своем поле английская команда никогда никому не проигрывала. Исключение составляет матч, проходивший в 1954 году, когда сборная Венгрии нанесла ей сокрушительное поражение, используя тактику «блуждающего форварда». И с тех пор «в гостях» англичане терпели одно поражение за другим. Английская сборная остается верной своему стилю, действует всегда осмотрительно и ведет жесткую борьбу. Ее игроки никогда не впадают в панику, и им удается выполнить все задуманное благодаря стойкости и упорству. Как мне кажется, довоенный футбол смотрелся весьма интересно, и поэтому мне жаль, что английская сборная стала выглядеть несколько педантичной, а ее игра шаблонной, будто команда испытывает ностальгию по ушедшим временам. Команде никогда не удавалось выиграть чемпионат Европы. Всего один раз она выходила победительницей в мировом чемпионате, и случилось это, когда она выступала перед своими собственными болельщиками. Мы, поклонники английского футбола, надеемся, что его подлинное возрождение еще впереди.

Таким образом, чемпионат мира вызывает столь бурные страсти потому, что здесь наряду с обычными спортивными состязаниями соревнуются различные национальные стили. Поэтому не случайно сборная Франции, самая атакующая из европейских команд, оставляет наиболее приятное впечатление.

В Соединенных Штатах футбол никогда не воспринимал-

ся всерьез, и ни сборная страны, ни национальная школа никогда не находили должной поддержки. Однако я как страстный и убежденный поклонник футбола смею надеяться, что в скором времени будут предприняты новые усилия для того, чтобы сделать этот вид спорта более популярным в США.

Сокращенный перевод И. АЛЧЕЕВА

ПОЛИТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СПОРТСМЕНА

Владимир МАСЛАЧЕНКО,
комментатор Гостелерадио,
заслуженный мастер
спорта СССР

В том, что Генри Киссинджер, бывший государственный секретарь США, берется писать о футболе, нет ничего неожиданного. Он давний поклонник футбола. Более того, как я заметил, он из той категории любителей этой игры, которые всегда, при случае и без, считают необходимым упомянуть о том, что они сами играли в футбол и, значит, его понимают. Иметь представление о футболе стало модно: на тех, кто не интересуется футболом, как правило, смотрят так же снисходительно, как на тех, кого в жизни интересует только он один. (Вероятно, поэтому комментаторам особенно трудно работать именно в футболе — все всё знают.) Киссинджер не изменяет себе, он говорит о футболе с точки зрения политика. В итоге — отнюдь не поверхностное, интересное рассуждение о футбольной тактике и национальных футбольных чертах, подчеркивающее, как возросло за последние годы значение спорта. С этим нельзя не согласиться. Но, думаю, не изменю себе, если в этом комментарии скажу о политике с точки зрения спортсмена.

Спорт и политика уже давно неразделимы во всем мире. Футбол же, стоящий над общим понятием «спорт», сегодня превратился в крупную зрелищную индустрию и включает в себя все, что положено иметь этому атрибуту нашего века: и так называемую «футбольную» войну Гондураса и Сальвадора 1969 года, и золотую медаль министерства просвещения Бразилии, врученную Пеле за его книгу «Я — Пеле», по которой тысячи бразильцев выучились читать. «Футбольные матчи смотрят миллионы зрителей, куда больше, чем спектакли в театрах, и они должны воспитывать...» Это слова драматурга Алексея Арбузова. Если учесть, сколько миллионов могут воспитать чемпионаты мира, то во всемирных футбольных премьерах прежде всего следует искать не «его величество» спорт, а «ее величество» политику.

Когда среди стран-претендентов выбирают одну, где будет очередной мировой чемпионат, или, как говорят, идет раздача чемпионатов мира, это, безусловно, политика. Мы не получили чемпионат мира 1990 года — это политика. Чемпионат мира 1986 года вместо Колумбии получила Мексика, а не США — тоже политика...

Я был в Испании, когда туда, как раз в дни заключительных матчей чемпионата мира по футболу 1982 года, прилетел Киссинджер. Вопросы, связанные с протоколом визита этой крупной политической фигуры, отошли на второй план, уступая в многочисленных интервью место его отношению к футболу.

После Испании, как известно, следующий чемпионат должен был состояться в Колумбии. Колумбийцы привезли с собой в Испанию свой знаменитый кофе, угощали им журналистов, как бы знакомя с богатым ароматом будущего чемпионата. Но Колумбия отказалась от этой высокой спортивной чести: президент счел финансовое положение страны слишком трудным. Тогда за дело взялись Соединенные Штаты. В кампании за проведение чемпионата в США Киссинджер был человеком номер один.

Зачем Соединенным Штатам был нужен чемпионат, если для подавляющего большинства американцев европейский футбол — соккер, как они его называют,— новинка?.. Один из аргументов против кандидатуры США так и прозвучал: в США у футбола нет зрителя. Не будем забывать, что американцы не бросают деньги на ветер. Если они шли на такой шаг, они были уверены, что выиграют. По их подсчетам, при надлежащей организации любого спортивного зрелища 60 процентов зрителей пойдут смотреть шоу, 40 — спорт. Выиграет и популяризация футбола в спортивной, но нефутбольной державе. Кажется, Джону Кеннеди принадлежит высказывание: «Престиж нации определяется ракетами и олимпийскими медалями».

Но чемпионата в США, несмотря на все усилия Киссинджера, не получилось. Отказ прозвучал основательно: в США многое делают вопреки общему направлению развития футбола в мире.

А что мексиканский чемпионат? Во многом благодаря своему зрителю, сохранившему романтический дух футбола, он сделал открытие: оказывается, футбол наряду с тем, что он и зрелищная индустрия, и политика, и большой бизнес, остается просто игрой, в которую играют взрослые.

БОРИС БЕККЕР ПРОТИВ ТОМАСА МАННА

Эльфрида ХАММЕРЛЬ (ФРГ)

Мой сын говорит, что ему как подростку нужны идеалы, а спорт — это идеальный идеал для молодежи.

Я же, как и положено мамаше, боюсь за него, когда он, размахивая флагом клуба, идет на футбольный матч и «болеет» — занятие это, собственно говоря, состоит в том, чтобы выкрикивать провоцирующие лозунги в адрес противной стороны.

Вместо того чтобы радоваться, что он подражает Борису Беккеру, я тревожусь о его руке, ушибленной на теннисной тренировке. Стеная, я подсчитываю, сколько стоит его снаряжение горнолыжника. А потом я весь вечер ворчу на него, потому что он снова присосался к телевизору, смотрит автогонки и по-прежнему все еще не читал Томаса Манна.

Мой сын говорит, мне должно быть стыдно, другие родители были бы только рады, если бы их дети так увлекались спортом. Молодым людям надо же чем-то увлекаться. «Чем-то?» — спрашиваю я. Сыну нелегко со мной — я упрямо хочу разобраться.

Я не вижу ничего идеального в людях, которые за большие деньги в течение нескольких часов проявляют агрессивность, потешая этим определенную часть публики.

Пока мой сын был маленьким, я твердила ему, чтобы он не бил других ребят и берег собственные руки и ноги. Мне и сейчас трудно понять, почему тот, кто бьет другого в лицо, или тот, кто с беспощадной систематичностью крушит собственные кости на тренировке, или тот, кто доводит себя до положения калеки, должен вдруг стать примером для моего сына. Но сын стоит на том, что ему во что бы то ни стало нужны идолы, и полагает, что тот, кем гордится страна, вполне подходит на эту роль. Он думает, что я должна радоваться, ведь он, занимаясь теннисом, прекрасно развил мускулатуру, а это свидетельствует о его силе и выносливости. Я же отказываюсь видеть в силе и выносливости самих по себе добродетели и вопрошаю негромко: «Сила и выносливость — для чего?» — и приберегаю аплодисменты для тех случаев, когда эти качества применяются в добром деле.

Теннис для моего сына — достаточно доброе дело, чтобы ради него рисковать здоровьем. «Томас Манн — зачем он нужен?» — фыркает он. Он не хочет быть ни слабаком, ни аутсайдером, но преуспевающим, спортивным молодым человеком.

К сожалению, я проигрываю все эти споры. Мое мнение — всего лишь мое личное и непопулярное мнение, в то время как за сыном стоят средства массовой информации, общественность и суммы гонораров. Сын не просто болтает ерунду, он знает, о чем говорит, он прочел десятки газетных статей и слышал бесчисленные речи.

Мой сын ходит на бокс. Он не слушает меня. Мне остается только не замечать, что он культивирует недоразвитый дух в подверженном вредным воздействиям теле.

Перевел с немецкого А. АНИН

В предыдущем номере «Ровесника» мы рассказали о новой, самой последней работе ансамбля «Роллинг стоунз» — пластинке «Грязная работа». Там же мы объявили, что следующий выпуск рубрики «История поп-музыки в фотографиях» будет посвящен «Роллинг стоунз» молодым, тому самому составу, с которого начиналась история этого ансамбля.

Нижний ряд (слева направо): Мик Джеггер (родился в 1943 году), вокал; Чарли Уоттс (1941 год), ударные.

Верхний ряд (слева направо): Билл Уайман (1936 год), бас; Брайан Джонс (1942—1969 годы), гитара. После смерти Джонса в группу пришел Мик Тэйлор, в 1975 году Тэйлора сменил Рон Вуд, он и по сей день в «Роллинг стоунз» самый молодой из участников группы — ему сейчас сорок лет; Кейт Ричард(с) (1943 год), гитара, вокал.

Они назвали себя «Роллинг стоунз» по песне великого негритянского блюзмена Мадди Уотерса; первая пластинка группы вышла в 1964 году. С тех пор «Роллинг стоунз» выпустили около пятидесяти дисков (в это число входят и студийные записи, и сборники, и концертные пластинки).

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, КОТОРОГО НЕ БЫЛО (НО КОТОРЫЙ МОГ БЫ БЫТЬ)

Защитник. Сейчас я хотел бы просить уважаемый суд ознакомиться с документом, проливающим свет на некоторые взгляды моего подзащитного. Речь идет об интервью корреспонденту лондонского еженедельника «Мелоди мейкер», озаглавленном «Оззи Осборн, человек, который не умеет лицемерить, что, как правило, идет ему во вред». Итак, цитирую:

«**Вопрос «Мелоди мейкер»:** Вам не кажется, что излишняя резкость в разговорах с прессой вредит вам прежде всего как творчески мыслящему композитору, каковым вы несомненно являетесь: озлобляя критиков, вы тем самым заранее обрекаете свои работы на негативную оценку.

Осборн: Видите ли, я пишу музыку не для критиков. Скажу с полной откровенностью: мне безразлично мнение глупцов, а, как правило, именно они пишут о моей музыке. Я не обольщаюсь на свой счет — Оззи Осборн не Бетховен, но в отличие от большинства рок-музыкантов я хорошо знаю его творчество. Говорю об этом с уверенностью, потому что имел возможность убедиться. И потом, странно, почему-то журналисты называют откровенность резкостью: я говорю с вами искренне, вы же — уверен — скажете своему редактору, что Осборн был с вами груб. Ну, спрашивайте, кому еще моя музыка прошлась по нежным мозолям!

Вопрос: Что вы можете сказать о самоубийстве американского юноши, последовавшем, как уверяют некоторые издания, после прослушивания вашей песни «Выбор в пользу самоубийства». Насколько мне известно, против вас даже было возбуждено судебное дело?

Осборн: Меня действительно таскали по судам, а в конце концов обвинения были признаны несостоятельными. И все же эта смерть на моей совести, так же как и гибель гитариста Рэнди Роудса; иногда меня подмывает поверить в слова газетных врунов, обвиняющих меня в связях с нечистым...»

Защитник: Позволю себе прервать чтение интервью и пояснить мысль Осборна. В 1982 году во время его гастролей в США автобусы, в которых ехала группа, остановились на ночлег на обочине дороги. Гитарист группы Рэнди Роудс поднял в воздух небольшой спортивный самолет и, желая напугать спящего Осборна, начал пикировать на автобус. Из третьего пике он не вышел. Осборна разбудил взрыв — самолетик горел в нескольких десятках метров от дороги. Первой новость преподнесла лондонская газета «Сан», известная сплетница, в заметке было сказано, что Осборн в очередной раз — почему в очередной? — «продемонстрировал свое демоническое могущество».

Так, спекулируя на нелепых слухах, будто Осборн обладает какой-то колдовской силой, которые, как нам уже известно, распространяют всевозможные бульварные издания, газета «Сан» попыталась приписать моему подзащитному преступный умысел. Однако вернемся к тексту интервью в «Мелоди мейкер»:

«Осборн: А этот американский паренек... Если сказать, что я сочувствую его родным, значит, не сказать ничего: я глубоко потрясен его выбором. В песне «Выбор в пользу самоубийства» речь действительно шла о самоубийстве, но имелось в виду самоубийство, к которому движется человечество: мы живем в такое время, когда любые неконтролируемые действия могут стать причиной общечеловеческой катастрофы. Я хотел сказать, что мы, люди, сами выбираем тупиковое направление нашего развития — гонку вооружений, непрерывные войны, терроризм. Меня пугает мысль о том, что возможность глобального самоубийства сейчас стала реальностью: каждый день только и слышишь — количество ядерных ракет выросло на столько-то единиц, военные маневры проводятся там-то. Зачем! Зачем создавать новое оружие, зачем его испытывать! Затем, чтобы в конце концов его использовать. Именно об этом и была песня. А этот парень... Мне трудно о нем говорить, но он воплотил в себе боль всего человечества. На месте наших вояк я бы от ужаса не знал куда деваться.

Вопрос: И тем не менее вы в какой-то мере ответственны за поступки молодых людей — ведь именно они составляют основу вашей аудитории. Я не говорю о таких крайностях, как самоубийство того американского юноши или истерики на ваших концертах, я имею сейчас в виду ваше противоречивое воздействие на сознание молодого человека. Вы отвергаете шоу-бизнес, но вы сами разве не часть его? Вы заявляете, что бога, носителя доброго начала, не существует и мир находится в плену злых сил. Правда, вы призываете к борьбе со злом, но насколько реален успех этой борьбы, если ее «лидер» отождествляется в сознании людей чуть ли не с самим Сатаной?

Осборн: Вы смешали все в одну кучу — с нее хорошо кидаться в грязь, которую потом можно размазывать по лицу, изображая раскаяние неизвестно в чем. Вот вы

Окончание. Начало см. в № 6 за этот год.

сказали о моей ответственности за поведение публики. Конечно же, ответственность есть. Но, знаете, когда «Чайльд Гарольд» Байрона вышел в свет, в Англии был зарегистрирован неслыханный по тем временам рост самоубийств среди светских молодых людей: стихи Байрона вносили сумятицу в неустойчивое сознание, они не обещали надежды и ставили суровую точку на судьбе целого поколения. Я не хочу сравнивать себя с Байроном, но и мы сейчас имеем поколение, не готовое к жизни, но уже хорошо осведомленное о ее изнанке. Виноват ли Байрон в тех самоубийствах! Не знаю. Так же, как не знаю пока степени своей вины».

Защитник: Я вновь прерываю чтение интервью, чтобы сказать несколько слов о воздействии стихов Осборна на сознание молодых людей, а также о том, что тематика его песен отражает состояние современной молодежи практически всех капиталистических стран.

Страх. Этим словом можно охарактеризовать причинно-следственную зависимость поступков многих молодых людей США и Западной Европы. Страх одиночества, страх оказаться непонятым, страх отстать в гонке за место под солнцем, страх смерти, страх чего-то... Как сказал американский психолог Бэрри Чайлдерс, «пока мы не научимся реагировать на наши страхи, они будут пугать нас своей неопределенностью, а следствие неопределенности — безысходность». Дело не только в безысходности, хотя и ее нельзя сбрасывать со счетов, сколько в отсутствии общественной реакции на эти страхи, которые не всегда беспричинны. Осборн пытается вскрыть истоки страха, срывая с ужасного покров тайны, он лишает это ужасное неопределенности. И тогда страх становится конкретным, теряет ореол безысходности, а это уже маленькая победа.

Об Осборне написано много небылиц. Но никто не сказал и слова о том, что в 1984 году лондонское издательство «Сайр» выпустило сборник рассказов Осборна «Я вам звонил, но номер был все время занят». Книга вышла под псевдонимом Майкл Джон. В ней есть маленькая новелла «Не бойся, я же с тобой» — это разговор пятилетнего ребенка с отцом. Постепенно, шаг за шагом, автор проводит параллель между обычной детской боязнью темноты и ужасом, который охватывает взрослого при столкновении с реалиями нашего будничного мира. Нельзя сказать, чтобы новеллы и рассказы Осборна претендовали на высокую литературу, но беспощадная конкретность в оценке повседневных событий ставит книгу в один ряд с произведениями солидных мастеров этого жанра. Но я опять увлекся, обратимся к «Мелоди мейкер»:

«Осборн: Вы сказали, что на моих концертах публика беснуется и позволяет себе черт знает что. Это все так. Последнее время я всерьез думаю прекратить концерты — брошу выступления и займусь только пластинками! Но вам ни разу не приходило в голову, что за безобразия на концертах в не меньшей степени ответственна и пресса, ваша «Мелоди мейкер» тоже приложила к этому руку! Непонятно! Сейчас объясню: когда «Блэк сэббет» отправились в первое большое турне — это было в начале 1970 года,— все музыкальные издания словно с ума сошли: «Черная магия над старой Англией!», «Сатана отправился в поход!», «Оззи и его колдуны сеют страх и ужас!» Что, не было! Еще как было! А между тем на концертах исполнялись спокойные блюзы, причем подбиралась минимальная громкость — мы сознательно заставляли зрителей вслушиваться в каждый звук. «Блэк сэббет» никогда не были сторонниками убийственного рева аппаратуры: мы писали музыку, которую надо слушать, а любителей визга и грохота я приглашаю на лесопилку — добро пожаловать, ребята!

Мы играли в маленьких залах, от силы 2—3 тысячи мест. Громкость самая небольшая, песни о жизни — при чем здесь черная магия? Если я в одном из первых интервью по наивности сказал, что люблю книги Денниса Уитли (автор готических романов.— *Ред.*), то, поверьте, до сих пор кляну себя за откровенность с глупцом. Нашей главной темой всегда были живые люди, их беды и радости, а ваш брат-газетчик всюду ищет «остренькое». И находит, конечно же.

А эта нелепая басня о пожирании летучих мышей!! Знать бы, кто все это выдумал! Вначале просто кто-то что-то где-то сказал, потом стали говорить громче, появились всевозможные комбинированные фотографии, и поехало. Вот уже Оззи Осборн ест летучих мышей и живых цыплят. Я даже не стал выступать с опровержениями — спорить, бывает, бессмысленно. Знаете, в Лос-Анджелесе однажды мне на сцену швырнули дохлую собаку — давай, мол, парень, показывай свой фокус! Я еле сдержался, чтобы не бросить ее обратно в зрительный зал. Вот вам и пресса. А теперь вы ищете виноватых: почему на концертах истерики, почему Оззи откручивает головы курам, почему поет о черной магии! А действительно, почему! Почему такое оголтелое вранье! Все газеты с наслаждением смакуют, как какой-то исполнитель катается по сцене на мотоцикле. Об этом для развлечения читателей пишут целые статьи, и никто почему-то не ужасается, когда мимоходом, в двух-трех строках, сообщают, что гангстер в магазине застрелил четырех стариков! «Подумаешь,— говорит обыватель,— это что. Вот Осборн опять кому-то голову откусил. Это интересно!» Молодцы, ребята, продолжайте в том же духе, я горжусь вами!»

Защитник: Снова я вынужден прервать чтение интервью. Против моего подзащитного было выдвинуто обвинение в сатанизме. По этому вопросу я хочу выступить сам.

Обвинитель: Прежде чем многоуважаемый защитник продолжит свое выступление, я бы просил предоставить слово свидетелю обвинения.

Судья: Приглашается Джереми Паркер, музыкальный обозреватель английского еженедельника «Саунд».

Джереми Паркер: Концерты Оззи Осборна проходят в атмосфере массовой истерии, и это неудивительно: исполнитель сознательно нагнетает страх, воздействуя на низменные инстинкты толпы...

Судья: Свидетель! Об этом суд уже слышал. Прошу говорить по существу.

Джереми Паркер: Сатанизм Оззи Осборна проявляется в том, с каким удовольствием он выступает в маске князя Тьмы, с которым неизбежно ассоциируется в сознании молодых людей. Кроме того, в его песнях довольно явственно слышатся нотки экстремизма. Я не могу сказать, что это открытый призыв к насилию, но молодежь, с учетом ее склонности к максимализму, при желании может оценить поведение Осборна как такой призыв, чего следует избегать.

Защитник: Начну с того, что противопоставление добра и зла — обычный художественный прием, принятый не только в музыке, но и в живописи, и в танце — вспомните, к примеру, балет Чайковского «Лебединое озеро»: его содержание — противопоставление добра и зла.

Вопрос в том, какова позиция автора произведения (музыканта, художника, балетмейстера и т. д.), на чьей, говоря проще, он стороне: добра или (а бывает и такое) зла. И вот тут, в связи с творчеством Оззи Осборна, возникают сложности. Дело в том, что, как правило, искусство предпочитает недвусмысленно демонстрировать свою позицию — оно за добро и против зла, а потому и главное место в произведении, и наиболее яркие эпизоды, и максимально выигрышное место отводится добру и его носителям. У Осборна все наоборот! В его шоу бал правит зло, главный персонаж — Сатана (почему именно Сатана, я позволю себе сказать чуть позже). Но значит ли, что это гимн Сатане? Напротив! Осборн как бы говорит слушателю: это я виноват в том, о чем сейчас пою, ты справедлив в своем гневе, и ты вправе обвинять меня, представшего перед тобой в обличье нечистого. В подобном приеме опасность таится прежде всего для самого исполнителя: в своей автобиографии, которая вышла в 1983 году, Осборн пишет: «Каждый раз, выходя на сцену, я не знаю, уйду ли с нее. Какой-нибудь «борец за добро и справедливость» вполне может меня прикончить. Но я не имею права останавливаться: у людей должен быть портрет их врага».

Что же касается вопроса, почему для изображения зла Осборн выбрал образ Сатаны, то этот выбор определяется вовсе не его приверженностью к сатанизму, оккультизму и прочей чертовщине. Все гораздо проще. Известно, и это никто из присутствующих не станет оспаривать, что современные молодые люди США и Западной Европы получают первые представления о добре и зле из Библии. Нельзя забывать о религиозном воспитании, точнее, воспитании с привлечением религии. Поэтому нет ничего странного в том, что доброму и разумному мой подзащитный противопоставляет самого обыкновенного дьявола — этот персонаж вхо-

дит в состав труппы «святого театра», а его действующие лица хорошо знакомы молодежи. Поэтому образы Осборна не выходят за рамки привычных западному человеку портретов. Исполнитель появляется перед публикой в образе того зла, которое, на взгляд западного подростка, по возрасту еще далекого от осознания реальных причинно-следственных связей, ответственно за конкретный вред, будь то преступление против человечества или просто неблаговидный поступок.

Кстати, не все сценические образы певца столь абстрактны: на каждом американском концерте 1986 года Осборн появлялся в строгом костюме, к пиджаку которого была приколота табличка с надписью «Каспар Уайнбергер»: варварская бомбардировка ливийских городов не оставила моего подзащитного равнодушным.

Хотел бы также сказать и о борьбе Осборна с самым что ни на есть реальным врагом человечества: летом 1985 года он объявил о том, что начинает кампанию борьбы с наркоманией и алкоголизмом среди рок-музыкантов (тяжесть последнего Осборн ощутил в свое время на себе). И это не просто слова, преследующие сугубо рекламные цели: львиная доля гонораров моего подзащитного регулярно отчисляется в фонд кампании, к которой уже присоединились многие музыканты по обе стороны Атлантики.

Теперь немного о так называемом экстремизме Осборна, в котором его обвиняет корреспондент «Саунд». Возьмем, к примеру, пластинку прошлого года «Абсолютный грех». Что же есть абсолютный грех, по Осборну? Война, и только война. Пока моего подзащитного еще не обвиняли в пропаганде войны, но, судя по развитию событий, до этого недалеко, и я намерен упредить удар.

«Если никто из нас не верит в возможность войны, тогда, скажите, зачем нужно оружие? Гиганты спят (под гигантами Осборн подразумевает монополии и генералов военно-промышленного комплекса США), и во сне им снятся победные войны. Боюсь, их пробуждение не сулит нам ничего хорошего: даже безразличный ко всему бог, и тот, пожалуй, возмутится» (песня «Убийца гигантов»).

«Война — это очередная забава для безумцев: они угрожают всеобщей аннигиляцией, всего лишь! Раз — и все долги аннулированы! Забавно, не правда ли?!» (Песня «Ниспошли им, господи, бомбу!».)

Если же вам кажется, что Осборн всего лишь не выходит за рамки «модной» сейчас тематики, то мне, пожалуй, следует напомнить об альбоме 1971 года «Хозяин действительности». В песне «Дети могилы» Осборн пел: «Разве мир должен жить в тени атомной угрозы? Победят ли наши дети в борьбе за мир, или исчезнут с лица Земли?» И дальше: «Если мы за жизнь, то скажем об этом во весь голос, иначе нашим детям уготована могила вместо будущего».

Позволю себе в заключение еще две цитаты. Свидетель обвинения Джереми Паркер когда-то обмолвился: «Этот человек мог бы иметь миллионы на песенках о любви». А Пол Маккартни, непревзойденный мастер лирических песен, признает, что те немногие композиции Осборна, которые он посвятил теме любви, заставляют его, Маккартни, «сознавать собственную неполноценность»: «Его песня «Она ушла» — бог мой! Такого отчаяния я никогда не слышал. Создается впечатление, что Осборн вкладывает свое сердце в руки слушателя, я чувствую его боль. Это красиво, но очень больно». Даже самые яростные противники Осборна отмечают его талант мелодиста. И тем не менее Осборн, который «мог бы делать миллионы на песенках о любви», предпочитает воздействовать своими песнями на болевые точки сознания.

Судья: Заключая слушание дела Оззи Осборна, я позволю обратить внимание уважаемого суда на стремление защиты представить подсудимого невинной жертвой злого умысла прессы и атмосферы, которая царит в шоу-бизнесе. Конечно, все, что делает Осборн, сопровождается домыслами, а то и просто ложью. Это так. Но не следует представлять его эдаким наивным младенцем. Он позволял превращать себя в героя сенсации, он позволял так о себе писать. По неведению? Вряд ли. Похоже, в какой-то период ему была удобна роль жертвы «падких на сенсацию» журналистов. В этом двойственность положения рок-музыки и рок-музыканта: он не может стать популярным, пока его не приметит пресса, пресса же в основном предпочитает писать не о музыке, а о том, что около нее. Пусть защитнику удалось доказать, что музыку и песни Осборна можно и нужно воспринимать без сенсационных «ужасов», но вот очиститься от того, что за многие годы налипло на образ Осборна, Осборну еще предстоит. Во всяком случае, позу снисходительного пренебрежения к «болтовне газетчиков» вряд ли можно считать безупречной.

Суд удаляется для вынесения приговора...

«Процесс над Оззи Осборном» стенографировал С. КАСТАЛЬСКИЙ

МЕРА НАШЕГО РАСЦВЕТА

Нарайана МЕНОН, индийский композитор

— Существует ли в Индии современная музыка?

Такой вопрос мне задают часто, особенно зарубежные музыканты. Не знаю, как лучше ответить на него. Для меня нет музыки старой или современной, серьезной или легкой, симфонической или джазовой. Главным образом есть музыка хорошая или плохая. Раскладывание музыки по полкам классификации — само по себе не лишенное смысла занятие при составлении каталога, программы музыкального вечера и даже при сочинении очерков о ее истории. Но в целом талантливая музыка XYI, XYII или XYIII веков столь же на пользу сердцу и уму, как и настоящая музыка XX века, а посредственная — она так и остается посредственной, кем бы и когда бы ни была написана. Тем не менее вопрос этот интересный, и он требует ответа. По сути, он вот о чем: создается ли сегодня в Индии музыка, которую можно сравнить, к примеру, с современной европейской музыкой; музыка, современная по своему языку,

стремящаяся порвать с условностями; музыка, откликающаяся на надежды и опасения современного человека и при всем том связанная с живыми традициями?

И да и нет. Скорее я бы даже сказал: и нет и да, потому что мой ответ будет в первую очередь отрицательным, после чего я уточню свою мысль.

На первый взгляд такое «и нет и да» кажется невероятным. В Индии есть «модернисты»-художники, «модернисты»-скульпторы, архитекторы, поэты, писатели. Мы сознаем, что живем в эру атомной энергии, дизайна, промышленной психологии, витаминов, сульфамидов и международных финансов. Индия современная нация, которая быстро усваивает современный взгляд на мир. И тем не менее взгляд этот, в том виде, в каком его выражает наше искусство, не однообразно «модернистский». Дух «модернизма» одерживает верх в одних областях, но в других, таких, как музыка и танец, настоящее по-прежнему крепко связано с прошлым. Я говорю здесь о бóльшей части «серьезной» музыки, той, которую сочиняют и исполняют наши ведущие музыканты, а не о популярной коммерческой музыке, которую часто ошибочно называют «современной». Музыка индийского кино, к примеру, пишется в своей основной массе по коммерческим рецептам, рецептам, кстати, нередко умным, элементами которых не стоит пренебрегать. Но это не значит, что она великое искусство.

Как получается, что создаваемая сегодня в Индии «серьезная» музыка — целиком искусство древнее?

Проблема современной индийской музыки — это проблема современной Индии, связанная с преобразованием порабощенной и поруганной земли в динамичную демократию. Индия находилась, если можно так сказать, на точке взрыва более чем полувека, и когда, наконец, раздался этот взрыв, ей уже не хватало времени ни на деликатные реформы, ни на терпеливую структурную эволюцию. Колониальная, феодальная и в этом смысле средневековая страна вдруг вышибла двери и ворвалась в XX век.

То же произошло и продолжает происходить в музыке — в отличие от других искусств, для которых два века иностранного владычества, рухнувшего в 1947 году, были мрачными и бесславными. Живопись, скульптура, литература и архитектура пребывали в застое. Английские колониальные власти низко ценили местных художников и ремесленников, создавших тем не менее произведения, замечательные по своей красоте, изысканности, силе и мастерству. Заброшенные памятники, миниатюры, вырубленные в скалах скульптуры медленно разрушались. И не по вине некой варварской политики, преднамеренно уничтожавшей традиционные формы искусства, а из-за непросвещенности иностранных властей, недостатка вкуса и того недопонимания, которое свойственно всем колониальным державам.

Возникали и росли города, построенные по модели английского индустриального города. Лишенные собственного характера и всякого изящества, они не были частью индийского пейзажа. Между их многоэтажьем, их виллами в колониальном стиле, их спортивными клубами и индийским пониманием хорошего вкуса разрыв был абсолютным. В этих домах висели работы молодых индийских художников, созданные по образцам академических английских метров кончающейся викторианской эпохи. Они не имели никакого отношения к Индии.

И все это время музыка продолжала расцветать. Почему? Вот стоящий вопрос! Во-первых, музыка из всех искусств самое абстрактное и самое удаленное от природы. Постичь ее иностранцу трудно. Понять индийскую традиционную музыку трудно настолько, что среди всех преобразований, которые перенес сад индийской культуры, музыка по-прежнему росла неким экзотическим сорняком, избавиться от которого не хватило бы и сил. Она процветала в отдаленных уголках «английского сада» как в географическом, так и в социальном смысле. Другие виды искусства, будучи по своей сути более или менее общественными, вынуждены оказались жить на свету. Индийская музыка же никогда не была зависима от какого бы то ни было рода человеческой деятельности, и колониальные власти, оставив ее в покое, в необходимых «музыкальных» случаях — на парадах, вечеринках, при подъеме флага и для исполнения национального гимна — прибегали к неизменному орфериону[1] и гвардейскому рожку.

О том, какую роль играет музыка в индийском обществе, говорит ее главенствующее место в иерархии искусств. Лучшей иллюстрацией тому может служить ответ индийского мудреца на просьбу короля научить его создавать скульптуры: «Кто не знает законов живописи, не сможет понять законов скульптуры».— «Тогда открой мне законы живописи!» — «Трудно постичь законы живописи, не зная искусства танца, но искусство танца трудно понять, не изучив в совершенстве принципов инструментальной музыки».— «Так научи меня им!» — «Но,— ответил мудрец,— им нельзя научиться, не познав искусства вокального».

Ошибкой было бы видеть в этом сказании простое подтверждение значения вокального искусства. В нем заложено понимание взаимозависимости искусств и цельности личности художника. Талантливая статуя, изображающая танцовщика, или живопись рагамала[2] — в какой-то степени сама музыка и танец. Для лучших традиционных скульптурных или живописных изображений музыкантов и танцоров характерны легкость, ритмичность и жизненность при высокой степени стилизации, составляющей суть музыки и танца. Задумайтесь, почему так человечны статуи танцующего Шивы, вглядитесь в статуи храмов в Чидамбарраме, во фрески в Аджанте. Все эти произведения превосходят границы чисто изобразительного искусства и приобретают черты самой природы, которую они отражают.

В живописи рагамала, чрезвычайно распространенной в Индии в XII—XYIII веках, художники пытались воссоздать языком зрительных образов суть традиций, накопленных музыкой. По стилю — это индийская миниатюра: тщательность изображения пейзажа, деталей, точность цвета. Сюжеты — сцены легенд или изображения времен года, с которыми те или иные раги ассоциируются. Главное в рагамале — умение найти изобразительное выражение состоянию души, присущему определенной раге.

Видимо, необходимо пояснить само понятие «рага». Рага — основа индийской мелодии. Слово «настроение», «лад» более всего подходит для перевода, хотя индийское понятие одновременно и определеннее и сложнее. Индийская музыка — музыка импровизации, которая строится на каркасе одной из многочисленных раг. Рага несет в себе конкретный художественный образ, так, есть рага-весна, рага-лотос, рага-туча, несущая дождь, или более абстрактное понятие, как, например, рага-любовь, рага-веселье. Более того, исполнение раг приурочено и к определенному времени дня: есть мелодии утренние, вечерние, полуденные.

Что заставляет музыканта и художника выражать себя таким сложным образом? Прежде всего то, что рага традиционно воспринимается как реальность. К примеру, в определенной ситуации может звучать рага не только женского или мужского рода, но и рага-отец, рага-сын.

Как большинство мелодических традиций, рага передается главным образом устно. Хотя система индийской музыкальной записи достаточно развита для сохранения традиционной музыки, тем не менее она никогда не была совершенна до такой степени, чтобы исчерпывающе отразить все тонкости исполнения. Вот почему современная индийская музы-

[1] *Орферион — струнный щипковый музыкальный инструмент, род гитары.— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *Рага (санскрит, буквально цвет) — ладово-мелодическая модель, служит основой для импровизации музыкальных произведений. Рагамала — вид живописи, навеянной музыкальными импровизациями.*

ка — прямая наследница искусства древних школ.

Традиционным музыкальным воспитанием в Индии занимались гуру. Здесь важно пояснить, что значит слово «гуру». Гуру — больше, чем учитель, это наставник, и его ученик — шишья — не воспитанник, а скорее помощник мастера, путешествующий вместе с ним и мало-помалу перенимающий его мастерство. Раньше гуру часто преподавали ученикам санскрит, грамматику и историю. Ученики, таким образом, вместе с теоретическими и практическими знаниями впитывали и сам образ жизни своего преподавателя. Система гурукала долгие века служила Индии добрую службу, но общество не перестает меняться, и с ним — наш образ жизни. Сегодня недостатки гурукала превратили ее в анахронизм. Во-первых, потому, что усердный ученик вместе с мастерством наследовал и слабости гуру. Во-вторых, и это самое главное, такая форма обучения лишала ученика возможности овладевать общей культурой, в результате чего воспитанники, не общающиеся с другими музыкантами, нередко становились ослепленными фанатиками. Фанатизм возобладал над разумом и над самой музыкой. Сегодня мы пытаемся дать будущим музыкантам систему обучения, которая совместила бы опыт гурукала с общей культурой.

Итак, индийская музыка — выражение нашего самосознания, мера нашего расцвета. Она отражает и передает наши самые сокровенные чувства языком, созданным нашей средой, совершенствовавшимся в течение долгих веков. Музыка — часть нашей жизни и мыслей и не должна рассматриваться изолированно от нашей жизни и философии. Она сыграла одну из главных ролей в становлении Индии.

Задолго до нашей эры были выработаны не только точные законы музыкальной теории и практики, но и создана теория восприятия музыки. Древнеиндийские ученые тщательно исследовали, выражаясь современным языком, стимулирующее воздействие эстетического наслаждения. Они изучали природу эмоций, условия их возникновения, различные виды их проявления. Их методы были рациональными, и выводы воплощались в музыке.

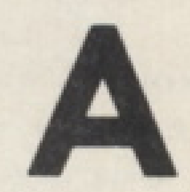
Столь серьезный подход требовал и тонко разработанной системы критериев ценности. Вот почему практически невозможно увидеть на концерте индийской музыки пассивного слушателя. Громко отбивать ритм, мгновенно реагировать на удачные музыкальные находки не считается чем-то неприличным. Вид замершего концертного зала, сдерживающего дыхание до тех пор, пока не затихнет последний звук, незнаком исполнителям индийской музыки, в которой делается упор на эмоциональную искренность, а не на разум; на лирический импульс, а не на драматический заряд; на чувства, а не на логику. Вот почему слушать индийскую музыку и судить о ней, исходя из традиций западноевропейской или любой другой музыки, значит, прийти к выводам совершенно ошибочным. Как если пытаться толковать музыку Бетховена, Брамса или Чайковского с точки зрения раги и талы (основа индийского ритма.— *Ред.*). Утверждать, что музыка служит интернациональным языком, более чем упрощение. Это может быть верным в рамках одного региона, такого, как Европа, или Южная Индия, или Северная Индия, обладающие общей музыкальной системой. Но, насколько я смог сопоставить египетскую, яванскую, японскую, персидскую, арабскую, индонезийскую и китайскую музыку, не говоря уже о различных национальных стилях музыки европейской, сомневаюсь, что все эти формы представляют единый музыкальный язык.

Возьмите, к примеру, голос — самый выразительный и самый богатый по звучанию инструмент, к тому же присущий всем музыкальным системам. Тем не менее свойства этого «инструмента» зависят от того, чего от него ждут. Только мастерское сопрано может спеть арию Принцессы Ночи из «Волшебной флейты» Моцарта и только индийский музыкант может исполнить «Вирибони Варна». В индийской музыке то, как спето, менее важно, чем то, что поется. Индийский певец — он же и создатель своей музыки, тогда как в западноевропейской опере голос певца — инструмент выражения творения композитора. Словом, в Европе молодой человек решается стать певцом, если у него красивый голос, в Индии молодой человек становится певцом, только став композитором.

Отвечает ли сложная и утонченная музыкальная система нашему времени? Музыковеды часто допускают ошибку, рассматривая индийскую музыку как нечто неизменное. Это крайность. Я не разделяю их мнения, будто традиционная музыка в конце концов потерпит крушение. Я смотрю более оптимистично по двум причинам: XX век не забыл ни Палестрины, ни Пёрселла[3], ни Баха, ни Моцарта. Несмотря на развитие электронной музыки и симфонических оркестров, продолжает рождаться музыка камерная. И, кроме того, как это часто бывало, все музыкальные новшества, самые еретические и революционные, растворялись в формах и стилях, проверенных временем, с приходом следующего поколения музыкантов.

Перевел с английского С. КОЗИЦКИЙ

[3] *Палестрина Джованни Пьерлуиджи (около 1525—1594) — итальянский композитор; Пёрселл Генри (около 1659—1695) — английский композитор.*

ABBA — в переводе и есть АББА, шведский квартет, название которого составлено из первых букв имен его участников: Бенни Андерссон — клавишные, вокал; Бьерн Ульвеус — гитара, вокал; Агнета Фэльтскуг — вокал; Анни-Фрид Люнгстад — вокал. Группа была создана в 1973 году, а год спустя их песня «Ватерлоо» заняла первое место на конкурсе Интервидения. Простые, мелодичные песни вывели АББА в ранг поп-звезд, а гонорары от реализации пластинок легли в основу капитала, на котором выросла корпорация, занимающаяся финансированием государственных предприятий. («Ровесник» писал о «Предприятии АББА» в № 7 за 1981 год.) Такие песни, как «Фернандо», «Деньги, деньги, деньги» (1976 год) и «Зная обо мне, узнаешь и о себе» (1977 год), подолгу возглавляли европейские хит-парады, были популярны и у нас. Самыми значительными пластинками АББА критики считают «Ватерлоо» (1974 год), «АББА» (1975 год) и «Не хотите ли?!» (1979 год). В студии АББА использовала сложное микширующее оборудование, поэтому концертная деятельность была сведена к минимуму, поскольку практически невозможно добиться адекватного звучания в условиях залов и стадионов. Тем не менее международное турне 1977 года прошло с успехом.

После распада группы (1984 год) музыканты занялись сольной работой, которая протекала без особого блеска, хотя справедливости ради надо отметить более раннюю сольную пластинку Анни-Фрид «Что-то происходит» (1982 год), которую продюсировал Фил Коллинз: может быть, именно его участие в записи и способствовало успеху альбома?

В прошлом году музыканты предприняли осторожную попытку воссоединиться, избрав для этого малоизвестную группу «Джемини» («Близнецы»): Андерссон и Ульвеус написали несколько милых песенок, а Агнета и Анни-Фрид спели их вместе с «Джемини».

«ACCEPT» («Аксепт»). Западногерманская группа, образована в 1979 году, тогда же вышла первая пластинка, и сразу стало ясно, что в плеяде «металлических» групп появилось нечто новое. Музыка «Аксепта» органично сочетала приемы хард-рока первой половины 70-х годов и необычные блюзовые вставки: именно этот сплав принес группе успех, которым сопровождались первые три пластинки — «Аксепт» (1979 год), «Я бунтарь» (1980 год — эта работа и по сей

Автор одной из рок-энциклопедий написал в предисловии: «Нет более трудного и неблагодарного занятия, чем составление рок-справочников — тебя постоянно ругают люди, считающие, что знают названия, даты и имена куда точнее»...

Рок-музыка существует уже четвертый десяток лет, у нее есть своя история, но создатели этой музыки (в отличие от ее поклонников) как-то никогда не заботились о точном документальном подтверждении своих свершений.

Тем не менее, откликаясь на просьбы читателей, мы решили ввести новую рубрику, которую назвали «Рок-энциклопедия «Ровесника», или сокращенно РЭР. Название достаточно условное, ибо невозможно объять необъятное. Поэтому при отборе претендентов в РЭР мы руководствовались: читательским интересом, мнением критики и, не скроем, собственным вкусом...

день считается лучшей в репертуаре группы) и «Разрушитель» (1981 год).

В состав группы входят: Удо Диркшнайдер — вокал; Вольф Хоффманн и Йорг Фишер — гитары; Питер Балтес — бас, вокал; Стефан Кауффманн — ударные (в записи первой пластинки принимал участие еще один барабанщик, Франк Фредерик, который на следующий год покинул группу).

Пластинка «Безжалостный и неистовый» (1982 год) стала переломной: здесь уже начинают преобладать сугубо «металлические» нотки. Но если на этой пластинке равновесие «металла» и хард-рока оказалось удачным, то на следующих — «Погоня за ночью» (1983 год) и «Как об стенку горох» (1984 год) — оно сместилось в сторону «металла», не принеся желаемого результата. «Металлизацию» звука заметила и публика, и гастроли «Аксепт» в Англии, где хэви метал-рок не прижился, прошли весьма скромно.

В 1985 году группа поразила слушателей своей интерпретацией бетховенской «К Элизе» (пластинка «Металлическое сердце»), но развить успех музыканты не смогли. В результате — поиски новой аудитории в странах Ближнего Востока.

В 1986 году группа выпускает очередной диск. Эта работа оказалась самой неудачной: композиции получились однообразными, без присущих раннему «Аксепту» вдохновения и изобретательности. Пожалуй, выделяется лишь песня «Телевизионные войны» — едкая сатира на модные сейчас на Западе игры «в третью мировую войну». Последняя работа группы — концертная пластинка «Голодные годы», на которой представлены композиции периода 1980—1982 годов.

АС/ДС («Переменный ток/постоянный ток»), Австралия. Англичане братья Ангус и Малькольм Янги перебрались с родителями в Австралию в 1963 году, в 1973 году познакомились с Боном Скоттом, также англичанином, и сформировали первый вариант АС/ДС. После года работы с постоянно меняющимися басистами и барабанщиками они наконец стабилизировали состав, в который вошли: Филипп Радд — ударные; Марк Эванс — бас; Бон Скотт — вокал; Ангус Янг — лидер-гитара (он же — основной композитор группы) и Малькольм Янг — ритм-гитара и вокал. Первые четыре пластинки — «Высокое напряжение» (1976 год), «Да здравствует рок!» (1977 год), «Мощность» (1978 год) и «Если ты хочешь неприятностей, ты их получишь» (1978 год) — продюсировал Янг-старший, Джордж. (Пластинки приведены в той последовательности, в которой они выходили в США; в Англии они издавались в несколько ином порядке.) И хотя АС/ДС сразу же стали популярны у себя на родине, международное признание пришло лишь в 1979 году, когда пластинка «Шоссе в ад» попала в английские и американские хит-парады, а затем стала в США «платиновой». Бесконечные турне, имидж «своих парней» способствовали тому, что к началу восьмидесятых АС/ДС приобрели статус солидного хард-роково-«металлического» коллектива.

В 1980 году умирает Бон Скотт, новым вокалистом становится Брайан Джонсон, игравший ранее в английской группе «Джорди». Уже с его участием АС/ДС выпускают пластинку «Снова в трауре» (или, как иногда переводят, «Возвращение в черном»), посвященную памяти Скотта. В 1981 году переиздается пластинка «Дурные поступки до добра не доводят», вышедшая в Австралии в 1978 году, по времени ее выход совпал с началом первого американского турне, этот альбом выдвигает АС/ДС в разряд «супергрупп». Последующие диски «Мы приветствуем всех, кто любит рок» (1981 год), «Включи свет!» (1983 год) и «Муха на стене» (1985 год) несколько разочаровали любителей группы: АС/ДС перестали прогрессировать, и творчество их приняло застывшую форму. Пластинка 1986 года «Кто кого создал?» — музыкальное сопровождение к фильму «Максимальная перегрузка» (фильм поставлен по роману американского писателя Стивена Кинга) — нового к творчеству группы не добавила. В настоящее время в состав АС/ДС входят все те же братья Янги, Джонсон и новые бас-гитарист и барабанщик — Клифф Уильямс и Саймон Райт.

«ACE» («Эйс» — «Туз»). Эту группу основали в 1973 году Алан Кинг, гитара, вокал, и Фил Харрис, гитара. К ним присоединился клавишник и вокалист Пол Кэррек. Записанная в 1974 году, пластинка «Повтори пять раз первую сторону» (в которую вошла песня «Сколько же можно!») приобрела популярность в студенческой аудитории Англии. Кроме этих трех музыкантов, в составе группы были Терри Камер — бас, и Стив Уайтерингтон — ударные (после выхода первой пластинки его заменил Фрэн Бирн).

В 1975 году «Эйс» выпустили вторую пластинку — «Настало время сделать что-то еще» — название весьма самокритичное, поскольку музыкальный материал, легший в основу диска, оказался на редкость скучным. На следующий год группа отправилась на гастроли в США, сопровождая «Йес», музыка которых, по словам Кэррека, «вдохновляла «Эйс» на творчество». Гастроли оказались для «Эйс» неудачными, и после ряда безрезультатных усилий поправить дела группа распалась. Кэррек, Бирн и Камер присоединились к группе Фрэнки Миллера (Пол Кэррек помогал записывать пластинки таким группам, как «Рокси мюзик», «Скуиз», одно время работал и с Кэрлин Картер). В 1982 году стал сотрудничать с Ником Лауи, выпуская в то же время сольные пластинки. Группа существовала недолго, да еще без заметных успехов, но арт-рок, который писали и играли «Эйс», имел очень «высокую пробу» и заслуживает уважения истинных ценителей.

«ADAM AND THE ANTS» («Адам и «Муравьи»). «Муравьи» Адама Энта (настоящее имя Стюарт Годдард), появившись в 1977 году, стали бесспорными лидерами скоротечного направления в английской рок-музыке, получившего название «неоромантизм». Смысл неоромантизма «Муравьев» сводился к полному отрешению от действительности, то есть подразумевалась элитарность исполнителей и снобизм аудитории. Правда, следует признать, музыка «Муравьев» казалась довольно неожиданной: они ввели в свои композиции сдвоенные барабанные ритмы, позаимствованные из национального творчества Бурунди, пустив на их фоне изрядно модулированный вокал, наподобие тирольского «йодля».

Энт, работавший с 1976 года с различными английскими группами, привлек к себе внимание менеджера «Секс пистолз», Малькольма Макларена, который и помог записать первую пластинку «Кортик на белой перевязи» (1979 год). Спустя год группа записала вторую пластинку, «Хозяева опасного района» — пожалуй, эти две работы можно назвать успешными, если оценивать попытку создания особой формы рок-музыки.

На протяжении всех лет состав группы постоянно менялся, что, видимо, и привело к распаду «Муравьев» в 1982 году.

Накануне открытия Фестиваля Индии в СССР в Москве, в Государственном музее народов Востока, проходила выставка работ художника Михаила Рамадина — иллюстраций к вышедшей в издательстве «Детская литература» книге «Сказание о Раме, Сите и летающей обезьяне Ханумане». На этой странице представлена небольшая часть этих рисунков, все же позволяющих судить о том, как древнеиндийский эпос «Рамаяна», созданный 2,5 тысячи лет назад, и сегодня будит фантазию художника, привлекает восхищенный интерес зрителя и читателя.

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон: 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 15.05.87. Подписано в печ. 09.06.87. А01833. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 500 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 114.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.